

Георгий Киселев
Реинкарнация и...

Киселев Иванович Георгий

Реинкарнация и...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24116792

Аннотация

Сборник произведений белорусского писателя-фантаста Георгия Киселева, в котором читатель встретится с вероятными и фантастическими изобретениями и событиями, но главное – с чувствами легкой иронии и сопереживания героям и событиям описанным в книге. В первую очередь перо автора пытается нарисовать борьбу добра и зла в человеке, а не совершенство машины.

Содержание

От автора	8
Реинкарнация	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	37
БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ	39
Майами, 2095 год, 6 мая.	39
Майами, 7 мая, утро.	41
Майами, 7 мая, 12 часов и 24 минуты.	43
Майами, 7 мая, вечер.	44
Тибет, февраль 2096 года.	46
Майами, 11 мая 2096 года.	49
Тибет, 13 мая 2096 года, утро.	50
Лхаса, 13 мая, вечер.	55

Сеул, 14 мая, полдень.	56
Сеул, 16 мая, рассвет.	58
Сеул, 16 мая, полдень.	59
Телефонный разговор, 16 мая, вечер.	65
Океан, 16 мая, ночь.	66
Телефонный разговор, 17 мая.	68
Остров Лисянского, 17 мая.	69
Гонолулу, аэропорт, 1 июня.	72
Майами, 3 июня, утро.	73
Майами, 4 июня, утро.	76
Майами, 4 июня, день.	78
Майами, 4 июня, вечер.	85
Майами, 10 июня, утро.	87
Майами, 10 июня, полдень.	90
Майами, причалы торгового порта, 12 июня, утро.	92
Беларусь, ст. Крыжовка, 15 марта 2097 года.	94
Беларусь, Минск, роддом, 20 марта.	99
Крыжовка, 23 марта.	101
Минск, 24 марта.	105
Майами, 25 марта.	108
Самолет, высота 8000 метров.	111
Землянка в лесу под Крыжовкой.	112
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Сборник пр
Георгия Кио
с вероятны
и события
и сопережи
В первую о
добра и зла

РЕИНКАРНАЦИЯ И ...

Георгий Киселев

Сборник научной и ненаучной фантастики. Сборник иронии, приключений и аномальных, даже сказочных событий.

От автора

Этой книгой я попытаюсь развлечь читателя, забыть нудные будни, усмехнуться. Постараюсь поделиться своим, возможно неожиданным взглядом на высоко поднятые над головами на бытовом уровне лозунги: «так положено», «так все делают» и т.п. Тем не менее, в книге не будет нравоучений, а наоборот: сказочные приключения, фантастические достижения будущего, ирреальный мир.

Что бы читатель ощущал себя комфортнее, я постараюсь не расставаться с вами подобно индийскому пандиту, скандинавскому скальду, рассказчику...

Моя первая история об исправлении. Опыт спорит: мол, яблочко запрограммировано яблоней, генетика так сказать. Я и сам сомневаюсь, но меня несколько убаюкивает мое видение реинкарнации в мире зла. Любой пандит, наизусть помнящий “Рамаяну”, “Махабхарату”, “Бхагавату” посмеется над моей историей, может быть и я, и вы. Но как определить вкус плода и не надкусить его?

Реинкарнация

Глава 1

Еще полчаса, и скончаюсь в ломке. Я вспомнил, как в прошлый раз выкручивало потроха, пока не вколол дозу. От одного воспоминания потек холодный пот, а что будет, если не уколюсь?

В карманах пусто, а Цыган в долг даже «колес» или «травки» не даст. В руках началась легкая дрожь, значит, ломка не за горами. Еще чуток и скрючит до полусмерти, а то и того хуже.

«Ну, нет! – решил я. – Даст или не даст в долг, но дозу все равно получу!»

Я положил в карман кнопочный нож и быстро пошел к Цыгану. Время поджимало, нутро чуяло каждой клеточкой ужасный финиш, и ноги сами переходили с шага на рысцу, пытаясь опередить судьбу.

Царила глубокая ночь, и табор давно спал. Вообще-то это был не табор, а одноэтажный поселок на окраине города. В поселке жили одни цыгане, вот и прозвали его табором.

Калитка слегка скрипнула, но поселок словно вымер, даже ни одна псина не твякнула. Я постучал в дверь, и соседский пес, вяло, видно спросонья ленился, пару раз гавкнул.

На другом конце табора так же лениво брехнула другая собака.

– Какого черта!?! Чтоб вы подошли! Ни днем, ни ночью нет покоя! – узнал противный раздраженный голос.

За дверью скрипело, слышалось шлепанье тапок о пол и вечное недовольство Цыгана всем на свете.

Лязгнул засов, дверь приоткрылась, показалась заспанная, всклокоченная голова.

– А-а-а, Бешеный, еще не подох? – голова узнала меня. – Чего тебе?

– Десять доз, плачу сразу баксами, – я похлопал рукой по карману, а карман не подвел, он оттопыривался, но только не от денег.

Глаза Цыгана сверкнули, он уже не спал. У меня ломка без дозы, а у Цыгана без дохода, он сатанеет, если долго нет покупателя, и оживает от одного вида денег.

– Сейчас, – дохнуло из-за порога нечищеными зубами. – Жди.

Дверь захлопнулась.

Меня начинало трясти по серьезному, и сам удивлялся, что еще замечаю прелести ночи. А ночь пела цикады сверчков, сверкала огоньками светлячков, пряно пахла травами. Покой тягучим сиропом лез в душу, но я противился слюнявой сентиментальности, ибо наверняка решил добиться своего. Разные нежности мне ни к чему, раскисать не время.

Наконец щеколда опять звонко тьякнула, Цыган освобо-

дил дверную цепочку и теперь стоял в грязной майке наполовину прикрывающей толстое волосатое брюхо и в черных, чуть ли не по колено, трусах.

– Вот десять доз, – он протянул пакет. – Деньги давай.

Вдруг он прижал пакет к груди, видно, даже в лунном свете, но удалось разглядеть страшный подвох во мне.

Уж и не знаю, что ему померещилось, но он отступил за спасительный порог и схватился за дверь.

«Вот гадюка! Сейчас уйдет с наркотой!» – пронеслось в голове, а еще представил свои муки, если останусь на бобах.

Лишь вообразил пик «ломки», а она уже начиналась, то уже ни о чем не думал. Рука сама залезла в карман и вылетела с ножиком. Острое лезвие послушно выскользнуло из рукоятки и впилося в жирное брюхо.

– У-у-у!!! – неся жуткий рев в ночи, он мигом разбил хрустальную идиллию спящего поселка.

Собаки табора истошно заходились в лае, по-звериному рычали, а в домах зажигался свет.

Я больше не мог терпеть крик Цыгана и полоснул его по горлу.

Цыган смолк, только хрипел и булькал кровавыми пузырями, но мне было не до его боли, когда своя ломка пришла в гости.

Я рванул из рук Цыгана пакет и припустил по взбудораженному поселку.

Цыган, хоть помирал, но как расстаться с имуществом,

сделал последний шаг за мной и рухнул на крыльцо.

Я бежал к спасительному скверу между табором и городом, а за мной гудело цыганское племя.

Глава 2

В сквере стало так муторно, что на все страхи погони плевал. Что значит погоня, когда смерть сжимает сердце в костлявой ладошке. Хоть бы сдавила как надо и отправила в преисподнюю, не на небеса, конечно. Так нет, садистка, отпускает, когда совсем теряю сознание, но не дает очухаться, как опять сердце в тисках.

Вот и свалился под кустом. Сам не знаю, как ввел инъекцию – полегчало, даже весело стало и легко на душе. Теперь ничто не беспокоило: ни сердце, ни табор, а тем более было трижды наплевать надохлого Цыгана.

Пришил подлюку, а как зовут не знаю. Все кореша-наркоманы звали его Цыганом, чем не имя? Меня же тоже все кличут Бешеным, а в паспорте написано, что я Бешенков. Вообще-то прозвали Бешеным не только из-за фамилии, но и за крутой нором. Чуть что не по мне – драться лезу, а ножик в ход пустить – раз плюнуть. Вот и я когда-нибудь сыграю в ящик Бешеным, никто даже имя не вспомнит.

Глава 3

Уже на несколько кварталов ушел от сквера вглубь города. Погони не было, а если бы и была, то кто догадается, что именно я замочил Цыгана?! Так что настроение было классное. Еще бы только денжат на кабак с девчатами, а тогда, что еще надо для счастья?

И только я подумал о счастье, как оно привалило с Федькой Косым, у него глаза вечно в разные бока ляпают. Так вот, собирался он балдеть, ну я ему две дозы по дешевке за полсотни зеленых уступил.

Я сразу в забегаловку, а там тоскует Надька. Видно: без денег и ни один клиент на нее не клюнул. Но я знал, что она только с виду чуток помята и пары зубов не хватает, а вообще-то она профессионалка, умеет обслужить как надо, и стоваривается за гроши.

Присел за столик к Надьке, а она рада, одарила щербатой улыбкой. Но мне то, что до ее зубов, не я же за нее жевать буду. Ну а если моя красотка меньше прожует и проглотит, то мне больше достанется. Баб выбирать надо умеючи!

Пили-гуляли до утра и так нажрались, что в мою берлогу приползли почти что на бровях. Ну а какая у нас с Надей любовь была, даже не помню, скорее всего, просто дрыхли в отрубе.

Утром просыпаюсь, если считать полдень утром, а на ду-

ше муторно, а еще рядом разлеглась беззубая карга, одеяло на себя стаскивает. Ну, я ей, ясное дело, дал под зад ногой. Так она в одних трусах вылетела на лестничную площадку без визга, знала, что Бешеного опасно нервировать.

А вот нервы были на пределе, ибо чуял как вновь крадется «ломка». Я в карман, а там, рядом с порыжевшим от крови ножиком, пакет с семью ампулами. Сразу стало спокойнее.

Недолго думая, вколол дозу – пришло облегчение. Облегчение это, конечно, хорошо, но мне требуется благодать, блаженство, эйфория. Да, думаю, одна доза, как слону комариный укус. Еще ввел – стало хорошо. Эх, чего жадничать, еще вкатаю пару ампул, и Боги облизнутся на мой кайф, моя дурь получше их нектара, амброзии, амриты или еще как они кличут свою наркоту?

Я снова взялся за шприц и втянул в него все из моих ампул.

«А вдруг передозировка?» – мелькнуло опасение, но только чуть-чуть.

Сладкая жидкость потекла в вену, а с ней ухватило блаженство и завертело в бешено-счастливом танце. Комната уже плясала, а всплывшая привидением Надька что-то кричала и хлопала ладошкой по моим щекам.

«Чего надо моей бабенке? А, наверно денег», – догадался я, но решил ее валютой не баловать, хоть и мила мне она сейчас, как ни одна красавица.

На этих мыслях нега так охватила меня, что захлебнулся

счастьем, ушел в прекрасное небытие.

Глава 4

Потом, первое что помню, так это наглый придурок в белом держит меня за веко и несет чушь:

– Мы его теряем.

«Меня, что ли?» – догадался я, но мне все так опротивело, что даже не хотелось отдубасить наглеца.

А он веко отпустил, и глаз закрылся, словно стена в мир. Даже звуки исчезли.

Не успел удивиться одним метаморфозам, как последовали новые. Я почему-то взлетел в воздух и увидел себя на столе, а рядом того самого придурка в белом халате. Еще увидел в комнате пару человек, они нечто колдовали у аппаратов.

– Адреналин, – приказал придурок, и ему подали шприц со здоровенной иглой.

«Мне бы таким наркоту вводить!» – успел помечтать, как меня что-то ухватило за шиворот и унесло далеко-далеко, за моря и горы, на далекие небеса.

Глава 5

Шмякнулся я о небесную твердь. Огляделся и понял, что стою в очереди, а передо мной топчется Цыган. Я уже надумал бежать от греха подальше, да только ноги как бы приросли, и я ни на шаг от Цыгана.

Цыган оглянулся, узнал меня и в глазах блеснул радостный огонек. Но вот он словно что-то вспомнил и огонек погас.

Я ничего не понимал. Ведь любой наркоторговец из табора готов помереть, но свое вырвет из должника, а Цыган им всем даст фору в жадности. Почему же он меня игнорирует? Но что поразило: стоит, сволочь, живехонек и целехонек, как бы я его ножиком не пописал?!

«Что-то тут не так!» – наконец дошло, и я стал приглядываться.

Во-первых: топчемся мы по облаку и хоть бы хны, не проваливаемся.

Во-вторых: в очереди стоят беззубые старики и младенцы, бабы на любой вкус и мужики от «академиков» в пенсне до синюх-пропойц пропахших денатуратом. Что же им таким разным нечто одинаковое нужно?

Не дошел я до разборки следующего пункта, а только очередь передо мной рассосалась, остался один Цыган.

И я услышал голос:

– Алмазов, по прозвищу Цыган, ты, получив облик человека, постоянно грешил. Ты загубил наркотиками несметное количество душ. Довел их тела до смерти, многих растлил, довел до самоубийств и убийств. Даже тебя зарезал твой же клиент. Чего же ты заслуживаешь в новой жизни? Будешь червяком.

Только принял решение голос, как Цыган скукожился, превращаясь в длинную, тоненькую и омерзительную тварь. Я с детства брезговал червями, даже из-за них не приобщился к рыбалке. Так вот, этот противный скользкий червяк потерял опору на небесах и провалился сквозь облако.

– Бешенков Василий Петрович, по прозвищу Бешеный, ну что, отмаялся в добротном человеческом теле? – спросил тот же голос.

Только сейчас, вот уж безмозглый, у меня все стало на свои места: и облако-твердь, и Голос, и люди в белых халатах, колдовавшие над моим телом, даже сказочные превращения Цыгана в наживку для рыб.

– Ты насилдовал, грабил, убивал и не берег свою оболочку души, – гремел Голос Бога, но я без него знал свои проделки, а на совесть давить – пустая затея.

– Так чем же ты лучше Цыгана? – рассуждал Судья, не признающий апелляций. – Ничем! Так и ты будь червяком.

Я пытался рассмотреть Бога, интересно же, кто Он? Может быть Он Брахма или Яхве, Саваоф или вообще неведомо Кто? Глупая затея, конечно же. Как бы я их отличил, не

зная, чем они отличаются. А может и не отличаются. Просто Творца разные народы кличут по-разному. Я смотрел в сторону Судьи и Прокурора в одном лице, но яркий свет слепил, и я так и не понял, кого же благодарить за суд, каков из себя Всевышний?

Выстрелом прогремел приговор, и со мной начало твориться нечто невообразимое, как и с Цыганом. Сначала пропал свет, хоть я и пялился во все зенки на Божий Лик. Потом понял: у червяков нет глаз, вот и темень кругом. Чуток позже пропала опора. Ага, сообразил, что падаю на грешную землю.

Шмяк! Я отбил все брюхо, а это, считай, почти все тело. Червяк это что? Отвечаю: это длинное предлинное брюхо, рот и зад. Брюхо болело, я извивался змеей, но вот инстинкт приказал: симулянтов здесь не надо, работай – жри. Ну, я и потянул в рот всего побольше.

Вот ползу я, ем, набиваю брюхо и выбрасываю переработанную жратву сзади. Дело не хитрое, но тоска смертная, ни зги не видно. Теперь-то знал, каково слепым. Только слышу всем телом, как крот роет, и я тикать от грозного убийцы или топает кто-то, и тут уже не попадись под копыто, башмак или в банку рыболова.

Так вот, скукота жить червяком. Тут не уколешься, не опрокинешь стопку и даже бабенки завалющейся не поимеешь. Ведь червяки как размножаются? Они делятся! Вот уж, действительно, Божье наказание. И остается нам, червякам,

лишь жрать, опорожняться и размышлять, если мозги есть конечно. Правда, у червяков только малюсенький нервный узелок, а не два полушария с извилинами, но я кое-чего ку-мекал.

«Зачем я живу? – размышлял с набитым ртом. – Чтобы есть и гадить. Ем и оставляю за собой след на Земле, значит Живу! А главная цель – гадить. Ведь если не придираешься к поступкам, то я творю доброе дело: рыхлю почву, перерабатываю отходы и унавоживаю плодородный слой».

И так я надулся жратвой и несоразмерной гордыней за свое нелегкое дело, что не услышал детского топанья.

А башмачок хрясть, и меня вдавило в грязь.

«Ну вот, отползал, отъел свое, прокакал червячок счастье!» – только и успел сообразить нервный узелок, и червяка Бешеного не стало.

Глава 6

Опять слышу Голос, я сразу Его узнал:

– Жил ты недолго, но трудился на славу, не отлынивал, так что заслужил счастливую участь. Получишь новое тело! Но только не подведи, а то быть тебе хуже червя – микробом, а то и вовсе – вирусом!

Разлепил я глаза, а как ни фигу не видел, так и сейчас кругом темень.

«Обманул, подлец! – думаю о Боге. – Обещал счастье, а Сам или ничего не сделал, или превратил в нечто слепое!»

И так мне обидно стало, что хоть плачь. А тут еще навалилась на меня туша, и, чувствую, она свой кончик сует мне под хвост.

«Вот Гад! – это я не о туше с кончиком, вроде бы и приятно, это не могу простить Бога. – Так Он меня в бабу превратил?!»

И тут уж действительно потекла слеза, то ли от обиды, а может из-за кончика. Плачу я с досады и удовольствия, а сам не дергаюсь, якобы исполняю Божий наказ. Он же Сам подложил меня под самца.

Только со временем стал привыкать к темноте и вижу: на мне усатый мышонок, и мы в норе.

«Так я – мышь!? – поразился я. – Самка! И теперь, я не Бешеный. А Бешеная!?!»

И такая от этого открытия навалилась злость, что крутанулся и куснул милого насильника. Все же во мне еще сидел мужик, а «голубых» я сам презирал.

Бедный мышонок не понимает, чем провинился, усики опустил, чуть не плачет. А я хватя его зубками, хватя. Он и вылетел из норы. Теперь ищет себе, небось, более покладистую пассию.

Я тоже выбежал из норки, все во мне кипело антагонизмом к бабьей сущности. А кругом красотища неопишуемая. За одни глаза расцеловал бы Богу ноженьки. Нет, не подвел все-таки!

Никогда не видел мир снизу. Мы, люди, шастаем по красоте, под ноги не смотрим. А мы, мыши, каждую травинку-былинку деревом видим, а деревья вовсе – горами.

Кругом ползают, скачут, бегают козявки и каждая по человеческим меркам в мышинном теле с собаку, Какая с терьера, а есть и с сенбернара. И все красавцы, хоть ошейник прилады и своди на выставку, так вернешься с собачьей медалью.

Правда, голод не тетка, не дал долго любоваться красотами, занялся пропитанием.

А тут, в поле, не пропадешь, если только поработаешь. Вот я и крутился юлой. То из поля колосок тащу, то в норке припасы на зиму складываю, перекусить тоже не забываю.

Вроде и занят день-деньской, а жить хорошо, весело, хоть наркотой и не пахнет. Вообще-то коноплю и мак я унюхал, но мы же мыши, все одно не курим и не колемся.

Так шли веселые денечки, а чего не радоваться, когда стоит теплынь и никто не норовит съесть тебя. Это я так раньше думал, но время все меняет.

Улетело сказочное время быстро и незаметно, и стал замечать, что толстею. Слишком поздно, думаю, согнала усатого прохвоста с себя. Скоро понесла приплод. А они, малюсенькие комочки, жмутся ко мне, к мамке, сосок ищут, и так сладко становится от милых сосунков, что сердце сжимает умилением, и я подгребаю родных мышат, чуть не придушившая их от счастья.

От наркоты разве получишь такой кайф? Нет! Только сейчас я познала счастье.

Я уже позабыла, что душа у меня была мужицкая. Бог одарил меня счастьем материнства. Ни один мужик этого не поймет. Одним словом: Самцы. Чего с них, убогих, взять?!

Мои детки быстро росли, резвились, радуя меня. Уже скоро станут самостоятельными, но тут грянула беда.

Мы мирно спали. Весь выводок облепил меня, уткнувшись мордочками в живот. Малышня спала без тревог и забот, но я чутко просыпалась на каждый шорох. А вдруг к моим сорванцам крадется опасность? Правда, уж лето прошло, а наша жизнь шла мирно, безоблачно и ничто не угрожало моим любимым деткам. Так что по серьезному не чего было опасаться, но сердце материнское особенное – оно всегда на страже.

Так вот, дремлю, сквозь сон слышу шорох. Может лист

в норку занесло ветром, а кто гарантирует, что это не зверь зубастый. Вглядываюсь в темень и вижу, пусть едва-едва, но отлично слышу и обоняю ужас ужасный – змеюку.

«Ну, вот и кончились райские денечки!» – так я думаю, а сердце колотится от страха, но не столько за себя, сколько за моих малюток.

Любая мышь давно бы в «штаны» наложила, но я то Бешеная.

Пищу вовсю мочь, поднимаю тревогу, а деток по тревоге я давно учила убегать по запасному лазу. Сама же скок вперед и впилась зубами в змеиный нос.

Змея пасть распахнула, на ядовитых зубах капли смерти наплыли, но достать зубами не может. Потом, правда, сообщила и сжала ненормальную мышь стальными мышцами. Из меня душа выскакивает, но из последних сил не сдаюсь, держу зубы в гадине. Уже, как в тумане, вижу: мой последний отпрыск юркнул в спасительный ход-норку. Только тогда мир померк, а душа улетела на суд Божий.

Глава 7

Стою я в мышиной очереди, уже знаю зачем здесь, а все мысли не о своей судьбе, а о выводке, о сыночках-доченьках. Как они там, на Земле, не попали в зубы гадюке или еще какой твари?

Все думала о помете и совсем не заметила, как оказалась перед Лучезарным, а Он спрашивает:

– Чего же ты хочешь, мышь?

А я, словно за соломинку утопающий ухватилась:

– Помоги, Господь, избежать моим деткам холода, голода и утробы ненасытной!

– Спасу твоих отпрысков, договорились, но тебе самой, Бешеная, чего хочется?

– Главное, что малышам поможешь, а на остальное Твоя воля, Господь. Ты мудрее меня решишь мою участь.

Так я говорю и замечаю, что не хитрю, но с Ним и не похитришь, все мысли Ему видны, не пытаюсь подлизываться, а совершенно искренне, из сердца эти слова.

– Хорошо, – отвечает Всемогуший. – Дам тебе последний шанс стать Человеком, возвращайся в свое тело.

И тут вынесла меня неведомая сила из мышиной очереди. Лечу я и вижу, как мышиное племя головы задрало, любитесь полетом мыши, даже об отчете перед Богом на время забыли. Когда еще такое увидишь: мышь-полевка летит?!

Но вот понесло меня сквозь облака, над лесами и горами. Ветер свистит в ушах, кругом молнии сверкают, а мне не страшно, радостно, ибо знаю: сейчас случится что-то самое важное в моей истории.

Сама не заметила, а больше не лечу, вишу в комнате над бездыханным телом Бешенкова Василия Петровича, а рядом стоит со шприцем доктор и целится иглой в грудь, прямо в сердце.

Хрясть, со смаком вогнал в плоть длиннющую иглу.

– Ввожу адреналин, – зачем-то объявил доктор, и лекарство потекло куда-то вглубь тела.

– Прыгай! – приказал чужой голос во мне, и я юркнул в тело, которое когда-то было моим.

Глава 8

Когда открыл глаза, то мне казалось, что я их не открыл или умер, так как по-прежнему ничего не видел. Но вскоре передо мной пошла рябь, потом успокоилась, и я увидел давно окрашенный потолок. По нему разбегались трещинки, и он был немного сыроват.

Надо мной склонилось женское лицо в белом колпаке и сообщило куда-то в сторону:

– Он приходит в себя.

Затем она пощупала пульс и спросила:

– Кто вы, как вас зовут?

Я с трудом расклеил пересохшие губы:

– Мышь, я – мышь.

Мужской голос из глубины комнаты прозвучал неестественно громко:

– Оставь его, Маша, у него «глюки», еще наркота не выветрилась. Спасли придурка, а зачем? Ведь выпишут, и он снова до смерти дрянью наколется.

Маша грустно кивнула, вздохнула, поправляя мои волосы, и исчезла в глубинах комнаты.

А мне так муторно, такая слабость, что взглянуть в сторону нет сил. Правда в голове чуток прояснилось, и вспомнил, как я провел, а точнее провела лето. Только осталось непонятным: как же я вернулся в свое человеческое тело, если оно

оставалось бездыханным несколько месяцев?

«У Бога свои законы, и нам их не постичь!» – подвел черту размышлениям.

– Если завтра с наркоманом все будет нормально, – опять услышал мужской голос. – То переведем его из реанимации в обычную палату.

Глава 9

В палату перевезли на каталке, но в кровать пришлось перебираться самому. Пока сделал этот небольшой шажок, сердце, казалось, выскочит, а по лицу потек пот. Все же я еще очень слаб, но чувствовал быстрое восстановление здоровья.

Весь день проспал в полузабытьи, но к обеду хватило сил добраться до столовой самостоятельно, хотя сестра предлагала принести еду в палату, а тут неожиданно-негаданно нагрязнула Надя. Я даже обрадовался родственной душе, я же теперь тоже чем-то баба!

Она нечто шепелявила про кучу ампул возле меня, про закотившиеся глаза и то, как она рада видеть меня живехонького.

Я слушал вполуха, отвечал невпопад, а сам думал: какво же ей приходится. Ни кола, ни двора. Ночует у того, кто приютит, а то и вовсе в подворотне. Счастья материнства не познала, а ведь не за горами старость. И так мне ее жалко стало, что возьми и брякни:

– Ты, вот что, Надя, ты, поживи пока у меня, все равно хата пустует. Ключ как всегда, под ковриком.

А Надя выпучила глазенки, на лице глупейшая улыбка и текут по нему слезы. Видно никто никогда вот так запросто, задаром не пускал в свою берлогу.

А я гляжу и думаю: оба мы одинешеньки. Может, срод-

нимся и не такие еще старые, может, и детки появятся.

И так я разволновался, что опять пот потек, а сердце тук-тук-тук, часто-часто бьется о грудь.

– Ну, ты иди, устал я, – стал выпроваживать гостью. – Живи у меня сколько хочешь, только по кабакам больше не шагай и устройся на работу.

У Нади глаза загорелись, чует: что-то происходит. Видит: она не Золушка, а я не принц, но какая разница. Нутром чует сказочный шанс стать Женой, Матерью, Человеком, хотя я ей еще ничего кроме жилья не предлагал.

Впервые увидел ее с румянцем, честное слово, она еще хороша, только зубы не мешает вставить. Выпишусь и слепо еще из тебя красавицу, Наденька!

– Ну, так я пошла, Васенька?! – и от куда только мое имя знает?! Я и сам его из-за клички почти забыл.

Стоит, скромненько топчется, никто не увидит в этой скромнице шлюху-дешевку. И я уверен, она не притворяется, сейчас она на самом деле такая.

Глава 10

Утром, после завтрака, пришел в гости Федька Косой с кучей новостей. Он поведал о смерти Цыгана в тот день, когда и я попал на больничную койку.

Для меня это не новость, но пучил глаза удивлением, не признаваться же в убийстве. Кроме того я знал, что «замочил» только тело, а бессмертная душа Цыгана где-то ползает дождевым червем, искупает грехи, так скажем. И еще я начал новую жизнь, хоть и в старом теле, и как бы не в ответе за проделки в прошлой жизни.

Косой рассказывал о знакомых «наркотах», о совершенно новом сногшибательном зелье.

– Хочешь попробовать? – искушал он. – Уступлю задешево. Кайф потрясный!

Ух, как мне хотелось испробовать сладкого дурмана, как жаждал окунуться в грезы. Но я представил: уколую – мечты о новой семейной жизни продырявит шприц поганый и никогда у меня не будет деток. А как их желал! Во мне еще стойко сидела память о недолгом мышинном счастье, а материнский инстинкт вбила в меня навсегда жизнь серенькой полевки.

Одно представление о дозе окунуло в «ломку». Струился пот, руки тряслись, а сердце забилось часто, как мышинное.

– Нет! – словно лез на амбразуру, отказался от призрач-

ного счастья.

Косой покрутил пальцем у виска:

– Ты что, совсем свихнулся? Никогда не отказывался от дозы, а тут вдруг?! Ладно, отдаю даром!

– Нет!

Зенки Косого выпучило, казалось, вот-вот взорвутся удивлением.

– Ты о реинкарнации слышал? – сам не знаю зачем взялся за секретную тему.

Он пожал плечами.

– О переселении душ? – подсказал недотепа, хотя мне казалось, он знаток только в наркоте.

– Мало ли что плетут, разве что вколешь дозу, так хоть в Бога можешь превратиться.

– Ты послушай, – остановил Федьку. – Пока у меня не билось сердце, был в клинической, то успел побывать на небесах, говорил с Богом и прожил две жизни. И пока жил в других телах, то кое-что понял.

– Ну-ну, – хихикнул Федька, а глаза от хитринок еще пуще разбежались.

– Так вот, колоться я там не мог, и мозги немного проветрились от дури, и стало ясно, что губить судьбу наркотой нельзя. Когда уколешься, то становишься слепой и безмозглый, как червяк. Разве это жизнь?!

– Да-да! – прервал Косой. – Во всем надо знать меру, даже в наркоте. Тебя же забирала скорая с кучи пустых ампул.

Я тебе говорю: наширялся без меры – до сих пор мозги на-
бекрень. Но ничего, скоро все будет по-старому. Попомни
меня.

Глава 11

Я сидел в яблоневом больничном саду, потел от начавшейся «ломки» и думы думал.

«Ломка» тьфу, пустяк, по сравнению с былой, ведь мне сестра регулярно вводила лекарство. Но Косой меня смутил. Неужели действительно не было двух жизней, неужели они мне лишь померещились, так сказать: воздействие наркотика на больную психику. Вроде бы прав Косой, все у него отлично стыкуется, но я никак не могу забыть мышат, смириться с бездушной логикой.

Вот так сижу, мучаюсь телом и душой, и вдруг увидел Цыгана. Смотрю, ползет толстый и длинный червяк. Я его сразу признал, разве червяк не отличит другого червяка? Тут их сотни после дождя по дорожке ползали, но именно этот – Цыган!

Жалко мне его стало, он же из-за меня жрет всякую гадость вперемешку с землей. Думаю, как бы его не раздавили глупого об асфальт дорожки и перенес Цыгана в безопасное место, под яблоньку.

Цыган, наверно со страху, ввинтился в рыхлую почву.

Я опять на лавочку, а на сердце полегчало, печаль развеялась. Это что получается? Если Цыган – червяк, то и я ничего не выдумал, не померещилось мне! И так стало весело, что ломка стала отпускать помаленьку, а тут еще мышонок.

– Иди ко мне, – пропищал по мышиному.

Серенький комочек остановился и побежал ко мне.

«Эге! – думаю. – Видно не забыл языка грызунов!»

Пригляделся, да это же мой старшенький, умненький сорванец. Я опустил руку, а он чует родного, не испугался, полез на ладонь.

Стал малыш на задние лапки, смотрит на меня, усами шевелит и говорит:

– Ты кто, с голосом мамки?

– Я и есть твоя мама! – пишу в ответ, а сердце разрывается от радости встречи.

Пошарил в пижаме и вытащил кусочек хлеба. Сынок радостно пискнул, вгрызаясь в угощение.

– Приходи завтра, я тебе чего-нибудь вкусенького припасу. Братишек и сестренку с собой не забудь привести.

А он набил обе щеки, как хомяк, едой, даже пискнуть не может, а только ласково покусывает мои пальцы в знак любви.

А я плачу от счастья, глажу серенькую шерстку, целую любимую усатую мордочку.

Но стало темнеть, пришлось отпустить малыша на волю. Пусть бежит, пока светло, в свою норку.

Глава 12

Вечерело, уже собрался в палату, а тут она. Идет на фоне огромного, почти красного солнца, и ее рыжие кудри светятся словно нимб или корона. И вся она изнутри светится.

– Привет, Васенька! – шепелявила беззубым ртом, но я, замороженный изменениями в Наде даже не заметил ничемного пустяка.

– Привет?!

– А я устроилась посудомойкой и еще в доме прибрала.

Она еще что-то говорила, хвасталась успехами на новой работе. Я отвечал, а сам, словно мальчишка думал, как ей сказать, мол выходи за меня замуж.

А она, бабы они всегда чувствуют наши слабости, тоже ждет моего решения. Вот и топчемся возле лавочки, мелем всякую чушь и ничего главного.

А самое странное, чувствую, что не только компаньоном в новой жизни ее вижу, но что-то непривычное во мне происходит. Влюбляюсь, что ли?!

И тут, не спрашивая, прижал ее, целую. А она обнимает меня, а слезы текут. Что с нее возьмешь. Баба! А у меня тоже потекла слеза.

«Ну ничего, – сквозь слезы думаю. – Реинкарнируем, начнем новую жизнь в старых оболочках, подновим их и еще как заживем всем на радость и удивление!»

2003г.

Можно ли вдохнуть душу в прибор? Сама постановка вопроса заставит течь ядом религиозного фанатика, да и почти все остальные покрутят пальцем у виска. Но я верю в науку и подобие талантливого программиста Богу. Думаю, в этой истории вы с теплотой воспримите моего героя.

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Майами, 2095 год, 6 мая.

– Мистер Крон, можете быть уверены в успехе. Контрольные операции на животных дали положительные результаты. Помимо того мы не столкнемся с проблемой отторжения, ибо нет нужды в чужой живой ткани, а все трансплантаты инертны. Надежность вживляемых органов также на порядок выше обычных органических.

– Понятно, Фрейдюнг, – Крон отхлебнул многоцветного с золотистыми искорками напитка, удовлетворенно причмокнул и добавил: – Работы Фрейдюнга в нейрохирургии, ваши успехи в кибернетике, Вильсон и мои миллиарды – вот источники величайшего открытия века. Ваши имена, джентльмены, будут греметь в веках.

Седые ученые смутились, покраснели, как школьники. Бальзам честолюбия умело лился из уст финансового магната, воротилы темной империи и знатока порочных душ.

– Правда уж больно дорого обойдется первенец.

– Согласен, – прервал шефа холерик Вильсон. – Но дорогими следовало бы назвать лишь исследования, что-то около 80 миллиардов. Непосредственные расходы на мой компьютер и операцию всего около миллиона... или чуть-чуть

больше.

– Всего-то, – съязвил Крон.

Но он-то знал, что услуги киллеров обойдутся не дешевле, да и люди могут привести ниточки следствия, к нему. Другое дело робот, биоробот. Кто будет вернее, не предаст даже под пыткой?

Вильсон вспыхнул, на сей раз от негодования, а Фрейдюнг недовольно засопел.

– Я пошутил, – миролюбиво махнул сигарой Крон. – Надеюсь, уверен, убежден в вашем успехе. Завтра нас ждет удача. Сразу после операции прошу ко мне, джентльмены.

Крон дружелюбно прощался с учеными, а сам витал далеко в сладких грезах. Наконец-то, обладая совершенным и послушным орудием убийства, он запугает, он подчинит своей воле всех: конкурентов, сенаторов, конгрессменов, самого президента. И все без риска: машина его не выдает, денег не потребует, шантаж роботу ни к чему...

Майами, 7 мая, утро.

«Прочная титановая сфера точно легла на место изъятого мозга. Все соединения исправны, разрывов нет. Да, это действительно чудо-компьютер работающий на кислороде и глюкозе крови, способный управлять живым организмом. Конечно, в аварийных ситуациях он сможет работать и от сети. Невообразимое, но удачное единство мертвого и живого».

– Вильсон, активизируйте свою жестянку, и я зашиваю.

– Не юродствуйте, Фрейдюнг. Этот кусок металла способен на более качественные мыслительные процессы, чем шматок прогорклого жира в вашем черепе.

Возмущенный кибернетик утопил пальцем в продезинфицированной перчатке кнопку, что-то щелкнуло, и кнопка опять слилась с гладкой поверхностью титана.

– Все, – добавил он. – Штопайте дальше.

– Не обижайтесь, старина, – смягчил ситуацию нейрохирург, а умелые руки смазали клеем края ровно срезанного верха черепа, и он точно лег на основание. – Как, вам нравится?

– Да, даже пропилил не заметен.

– Вот и чудненько. Сейчас натянем кожу и сошьем.

Машинка в руках хирурга пробежалась от уха до уха, опускаясь до шеи. Кожа плотно соединилась.

Спустя недельку и здесь шов рассосется. Никаких следов операции, но через недельку, – бубнил вслух профессор.

Наконец Фрейдюнг наложил последний стежок.

– Который час? – спросил он.

– 12 часов 23 минуты.

– Запомни это чудесное мгновенье.

– Не это, а чуть позже, – парировал Вильсон, – когда я его оживлю.

– Робот, проснись! – он торжественно добавил кодовую фразу, взглянул на часы, усмехнулся и бросил напарнику ехидные слова: – 12 часов 24 минуты – время, когда вдохнули душу в нашего «Адама».

Майами, 7 мая, 12 часов и 24 минуты.

–Робот, проснись...

«Что это значит? Ищу в памяти... Ответ: Роботы – машины, созданные людьми им в услуженье. Робот проснись? Ответ: кодовые слова инициирования программы пробуждения. Какого робота? Ответ: я – робот, мне приказано проснуться. Проснуться? Ответ: открыть глаза».

– Ты видел?

– Да, веки дрогнули.

– Удалось! – орал Вильсон. – Он открыл глаза!

«Два движущихся объекта... Что это? Ответ: Машины или живые существа. Начинаю идентификацию. Ответ: объекты – люди».

– Твое имя, – вводил информацию речевым аппаратом один из людей. – Фрэнк.

– Повтори свое имя, – приказал второй.

– У-а-а...

– Еще не способен управлять голосом, нет навыков, – определил Фрейджонг.

– Если понял нас, то закрой и открой глаза, – дал задание кибернетик.

Веки послушно исполнили приказ.

Майами, 7 мая, вечер.

– Джентльмены, – Крон указал на пустые кресла у массивного дубового стола. – Прошу садиться. Плесните в бокалы сами, по вкусу.

Вильсон ограничился чистым виски, а Фрейдюнг к нескольким каплям алкоголя добавил пол стакана лимонного сока.

– Что же у нас получилось? Все удачно?

– Рост объекта, как вы и просили, средний, один метр семьдесят пять сантиметров. Внешне не выделяется из толпы, операция прошла успешно. Никаких патологий не наблюдается, все функции в норме, но ходит он с трудом.

– Это проблема одного – двух дней, – вмешался Вильсон. – Компьютер способен к самообучению, он быстро приспособится к телу. Еще пара дней общения с людьми, и его никто не признает за робота. Жить он сможет совершенно самостоятельно, безо всякой опеки.

– Самостоятельный? А как же в таком случае он подчинится заданию?

– Существует пароль: знай, свое место, робот, – объяснил Вильсон. – Услышав кодовую фразу, он выполнит любое задание. Впрочем, обращаться к паролю всегда, нет необходимости. Робот исполнит и так приказы того, кого признает хозяином. У вас появился исполнительный слуга и неподкупный

охранник, как вы и заказывали.

– Прекрасно... Он больше не нуждается в лечении или иной опеке?

– Нет, нет, – успокоили шефа профессора.

– Надеюсь, тематика работы хранилась в тайне?

Ученые утвердительно кивнули.

Крон ударил молоточком в небольшой гонг на столе.

«Все идет по плану, – думал он. – Кроме выживших из ума мозгляков и меня никому не известна тайна Фрэнка. Пора обрубить лишние концы...»

Вошли два здоровенных охранника.

– Окуните их в ванну с серной кислотой. – Крон махнул рукой в сторону двоих одураченных изобретателей. – Они должны бесследно исчезнуть.

Фрейдюнг схватился за сердце и осел в мягком кресле, а Вильсон гаркнул: – Подлая скотина!

– А вы, кто? – спокойно возразил Крон. – Уничтожили мозг совершенно здорового человека. Вы совершили гнусное убийство. Так что... уведите их.

– Не спеши, Крон, – упирался Вильсон, – Он не все исполнит. Сохрани жизнь, и я его доработаю...

– Выбросьте падаль.

Тибет, февраль 2096 года.

– Фрэнк, сейчас попробуешь работать с двумя соперниками.

– Да, сэнсэй.

– Лобсанг и Хо-Ши, пусть Фрэнк попотеет.

Два крепких ловких парня закружили вокруг чужака.

«Держись, американец, – думал Хо-Ши, – Бой учебный, но бока тебе намнем не понарошку».

Лобсанга тоже раздражал этот парень. И полгода не прошло, как Фрэнк упросил ламу взять его в монастырь, а уже во всем среди первых. Я с детства тут был лучшим учеником, а выскочка вот-вот обойдет.

Хо-Ши едва повел бровью – сигнал Лобсангу, и две живые молнии бросились к сопернику. Удары слились с победным кличем, но Фрэнк спокойно стоял на месте. Раздраженные бойцы меняли варианты атак. Ноги и руки мелькали едва заметно, словно винт самолета, но защита Фрэнка поспевала. Затем он неуловимо быстро схватил Лобсанга за рукав и пояс и швырнул противника на Хо-Ши. Хо-Ши едва не нанес удар неожиданно налетевшему приятелю, и они свалились на татами. Фрэнк прижал ногой соперников к полу.

– Хватит, – остановил бой учитель. – Вам, – он указал на побежденных, – придется работать над скоростью. Быстрее все замечать, принимать решение и исполнять. Все быстрее.

А ты, Фрэнк, можешь отдыхать.

Фрэнк покинул зал, быстро принял душ, переоделся и направился в библиотеку.

«Как велик, непознаваем человек? – рассуждал он. – Уже просмотрел половину монастырской библиотеки, а пишу почти все только о человеке. Да, это не кофемолка с инструкцией на пару листков. Человек окутан тайной, как и беспредельная Вселенная. Сколь он чуден, непоследователен? То трясется над своей или чужими жизнями, то отдает их ни за понюх табака. Дрожит над медяком и равнодушно бросает царство».

– Простите, – окликнули Фрэнка.

Яркая вспышка ослепила его.

«Опять рыскает журналист. Не уберется, снимок может здорово навредить. А может, и нет. Кто читает его газетенку?»

– Вы не местный, не азиат, как же вам удалось стать монахом?

– Я еще ученик, а не монах. Извините, но я не могу давать интервью. Задавайте вопросы ламам.

Фрэнк вежливо поклонился и пошел своим путем.

«А я кто? Кофемолка или человек? Человечье тело и ограниченность машины в поступках. Но и человек ограничен законами, моралью. У меня два предела: подчинение паролю и стандартная программа работа – не убей человека. Два взаимоисключающих начала. Убить или не убить? Чем не чело-

вечья проблема? Чем не Гамлет?»»

Майами, 11 мая 2096 года.

«Да, да, несомненно, это он, – сравнивал Крон цветное фото Фрэнка с черно-белым лицом ламаистского монаха в газете. – Почему он сбежал, не выполнил приказ? Правда, я не говорил пароля, но он был так исполнительен. А ведь о чем-то таком предупреждал Вильсон. Я заказывал у профессоров охранника, а не киллера. Возможно в этом вся загвоздка. Они ограничили робота исключительно охраной, но и охрана без убийств малоэффективна. Ничего, ничего, расковыряют его спецы до винтика, разберутся и исправят. А ведь все исполнял безропотно, пока не получил настоящее задание».

Крон взмахнул молоточком – по дворцу полился нежно-серебряный звон гонга.

– Возьмете его живым, – хозяин кивнул вошедшему на газету на столе. – Обязательно живым. Есть вопросы?

– Получите целехоньким, как конфетку в обертке.

– Вы несерьезны. Он профессионал.

– Я тоже.

Тибет, 13 мая 2096 года, утро.

– Фрэнк, к тебе гости из Лхасы, – лама положил руку на плечо ученика. – Точнее, из-за океана. Им удалось посетить Великого Ламу в Лхасе и получить разрешение на посещение нашего монастыря. Они пришли со злом, я видел гневные сполохи в их ауре, когда говорили о тебе. Если хочешь, то оставайся в келье.

– Нет, учитель. Я выйду.

– Верное решение. От судьбы не убежишь, но можно изменить ее. Обхитрить, облажить, заставить, но только не убежать.

– Посмотрим, учитель.

– Может тебе удастся обскакать злой рок, уж очень ты необычен.

– Необычен?

– Да. Твоя аура совсем неэмоциональна. Я никогда не встречал таких людей.

– Возможно я и не человек? – Фрэнк горько усмехнулся и вышел из кельи.

Во дворе стоял высокий блондин. Гибкое крепкое тело несколько сковывал элегантный костюм.

«Приталенный пиджак и брюки не так удобны в бою, как мое монастырское рваньё».

Блондин сразу попытался оценить скрытую грубой тка-

ную фигуру вошедшего и перевел глаза на ладошку.

«Сравнил с фото. Люди Крона, несомненно».

Блондин незаметно опустил снимок в карман и подошел: – Мистер Фрэнк?

– Да.

– Я узнал о вас из статьи в газете.

«Это уж точно. Подвел прокол с фотографом», – молча согласился с незванным гостем и тянул паузу.

– Меня удивило европеоидное лицо в азиатской глухомани, а я как раз пишу статью по вопросу акклиматизации психики в условиях чуждой социальной среды.

Наша беседа больше походила на монолог, и блондин немного занервничал.

– Можно побеседовать среди красот девственной природы? – он ухватил меня за локоть. – Вы не откажетесь? Даже Великий Лама дал добро на нашу встречу.

– Даже Великий Лама... – немного передразнил собеседника. – Тогда согласен.

Мы миновали монастырские ворота, под пустой треп, удаляясь к ущелью.

«Там планируют брать? Приехали, на джипе – не так уж их и много. Поглядим, что дальше будет».

По ущелью протекала речушка. Еще не ее время, а летом она вспенится, зарокочет студеной прохладой ледников и снежных вершин. Пока по берегам, вдоль русла, можно пройти и проехать. Здесь же стоял желтый джип. Дверцы

хлопнули: вышло трое.

«Наверняка я нужен им живой. Значит, в их же интересах приблизиться, а там посмотрим кто кого. Только бы не успели взяться за оружие».

Люди из джипа шли навстречу и о чем-то тихо переговаривались. Я всмотрелся в движения губ.

– Начнем по сигналу: поправлю волосы, – прочел приказ негра.

– Это мои спутники по путешествиям, – пытался отвлечь внимание блондин. – Вместе веселее, да и значительно спокойнее в горах.

Наконец мы сошлись.

– Фрэнк, – отбросив любезность, обратился блондин. – Мы приехали за тобой по приказу Крона. Прошу в машину. Нас предупредили, что ты профессионал... Так что, как видишь, не рыпайся.

Блондина поддержали три самоуверенных ухмылки.

«Код им неизвестен. Иначе бы просто приказали, а не запугивали. Они не знают кто я».

– Мне тяжело покидать монастырь, я остаюсь.

Рука негра ползла к кучерявой голове, и я атаковал. Преимущество всегда за превентивным ударом. Локоть погрузился в солнечное сплетение блондина, а нога щелкнула по челюсти негра. Удары оставшихся отбил, ухватил рукав ближайшего, потянул и хрястнул коленом в открывшуюся спину. Остался рыжий плотный парень. Он выхватил из карма-

нов нунчаки и лихо завертел ими вокруг себя. Все же я перехватил одну и нанес прямой удар ногой в брешь защиты, но вторая нунчака успела достать кисть левой руки. Она на глазах набухла. Пришлось ослабить силу нервных импульсов от кисти, и боль исчезла. Мозг только у наиболее подготовленных лам, магов и йогов может вытворять подобное и еще мой компьютер.

Вся четверка дышала, но еще не шевелилась: удары рассчитал верно. Пока они мирно «дремали», спеленал собственными поясами, а одежду блондина нацепил на себя. Чуть-чуть великовата, но ничего, почти по мне. Сел в джип и покатил в Лхасу.

«Снова в бегах... Сами виноваты, – злорадно подумал о создателях. – Наградили самосохранением – расхлебывайте».

Кисть совсем не нравилась: распухла, начала темнеть. Фаготы проскользнули в кровеносные сосуды и поплыли на выручку кисти.

Фаготы – изобретение моих творцов. Это мои руки изнутри. Десяток совсем малюсеньких «блох» легко путешествует по телу. Они срезают наросты, опухоли, заваривают порванные сосуды, капилляры, склеивают раздробленные кости и т.д. Уж очень оказался я дорогим, и пришлось подумать над надежностью машины.

Пальцами помог слабосильным фаготам поставить косточки на место, и пронирливые помощники приступили к

восстановительной хирургии.

Лхаса, 13 мая, вечер.

«Да, цивилизация проникла и сюда. Столица отрешенного от колеса государства построила современный аэропорт. Беспокоят шумные лайнеры дворец Потала, будят Великого Ламу в нем. Забыл древний город былое спокойствие. Колесо дарит благополучие и ворует созерцание, тишину, покой».

Ближайший самолет летит через полчаса в Сеул. Бумажник блондина раздувался крупными купюрами.

«Не так уж все и плохо, – обрадовался маленьким удачам. – Успею улететь, успею не раз замести следы, пока они без машины доберутся до Лхасы. Телефона в монастыре нет. Их нигде в горах нет, только в столице... Хотят исправить в машину-убийцу! Нет уж, стану человеком! Не знаю, как, но буду. Обязательно буду».

– Девушка, мне на ближайший рейс до Сеула.

– Вот, пожалуйста. Не задерживайтесь, скоро вылет, – милая монголоидная девушка протянула билет и сдачу. – Посадка в четвертом тамбуре... Счастливого полета.

– Спасибо.

Сеул, 14 мая, полдень.

«Погоня скоро доберется до Сеула, но пока определяют гостиницу, уже приму контрмеры. Итак, все ли купил? – я бегло прошелся глазами по столу. – Скальпель, вата, бинты, антибиотик, спирт, хирургический клей, зажимы. Этого достаточно. С Богом, как говорят люди».

Окунул ватку в спирт, тщательно протер кожу лица, взял скальпель. Еще раз пробежал в памяти ход операции. В монастыре попало объемистое наставление по пластической хирургии. Но теория и практика весьма противоречивы. Когда Крон приказал стрелять по мишени, то угодил в «яблочко» лишь с пятого раза, пока не постиг стрельбу на практике. А здесь надо угодить «в десятку» сразу.

Наконец решился. Острое лезвие с хрустом прошло по плоти. Фаготы помогали изнутри: перекрыли ток крови, позже займутся сваркой швов. Благодаря умелым крошкам кровь не шла обильно, а лишь слегка сочилась. Боли, совсем не ощущал. Почему люди не учатся ее отключать?

Быстро лепился новый облик: новая форма ушей, глаз, носа... Наконец заклеил швы и проглотил целую упаковку антибиотика. Через пару дней швы разглядятся – беги в мир новый человек. Человек? Почему бы, нет? Никто не отличит, а я, когда-нибудь, добьюсь и внутреннего сходства. Только бы погоня не успела. Еще часов сорок-пятьдесят, и исчезну,

растворюсь в человеческом муравейнике.

Сеул, 16 мая, рассвет.

Неладное почувствовал на заре. Надеялся еще часов на десять, да не вышло.

За дверью подозрительно скребли отмычкой в замочной скважине, но мой ключ мешал изнутри.

Я лежал одетым. Сразу схватил пакет с окровавленными тампонами, скальпелем и остальными медицинскими причиндалами. Зачем ищейкам лишняя пища для ума? Прислушался: дверь теребили уже довольно нагло. Распахнул окно и соскользнул, по загодя закрепленной бечевке, со своего 37 этажа на 31. Бечевка привела в недавно закрытый ночной бар. Изнутри дверь открывалась без ключа. Дальше добрался лифтом до второго этажа. Осторожно выглянул в холл. В кресле сидел блондин, но уже в синем спортивном костюме. Под мышкой топорщил ветровку пистолет.

Я вернулся в коридор и тихо-тихо открыл створки окна. Через него вылез на крышу пристроенного к гостинице ресторана и так же аккуратно закрыл окно. По крыше добрался до карниза и спрыгнул в еще спящий пустынный город.

Сеул, 16 мая, полдень.

У касс аэропорта прохаживался блондин, а остальные маячили около посадочных площадок. Я зашел в туалет. В зеркале отразилось лицо, подпорченное припухлостями и краснотой еще не пропавших швов. Густо наложил грим, пудру и вышел.

Блондин насторожился, увидев издали, но когда протопал мимо него к окошкам касс, потерял ко мне всякий интерес.

Девушка передо мной попросила билет до Майами.

«А почему бы и нет? – дерзко решил я. – Сбегать, так поближе к охотнику. Легче постичь его замыслы, да и он не станет вынюхивать добычу рядом с собой».

– До Майами, пожалуйста... Ближайший рейс.

Началась посадка, и ищейки пристроились у турникета. Они прощупали колючими глазами лицо и уже буравили следящего пассажира. Все же преобразование мне далось. Не зря читал древние тибетские трактаты и современные наставления по хирургии.

«Что-то в поступках аномально, – размышлял уже в небесах. – Принимаю решения, не просчитав все варианты. В чем причина? В заложенной конструкторами логике или неучтенном воздействии живого тела на процессы мышления? Что-то в этом есть. Попала ли песчинка в глаз, ветерок остудил тело или солнце слепит глаза, мало ли что еще, но

результат один: поступает сигнал в компьютер, сбивает его работу с размеренного ритма. Помимо того тело стремится к неге, блаженству, вступает в конфликт с формальной логикой. И я все больше учитываю требования своей оболочки. Конечно, в меня заложена программа бережного отношения к телу, вот постепенно и сдаю позиции его капризам. Но если это путь к Человеку? Тогда не надо бояться, а наоборот отдаться жадному попрошайке. Пусть получит все, что просит. Лишь бы не во вред».

– Вам не кажется, что мы падаем?!

Только сейчас обратил внимание на соседку, а ведь она косвенно повлияла на мою судьбу. Именно она заказала в кассе билет на Майами, а я, как глупый попугай прокукарекал: Майами.

– Один двигатель не работает, а второй тоже глохнет!
– волновалась соседка.

«Пожалуй, она права. Но я то?! Супермашина! Размечтался, потерял контроль».

– Начинаем терять высоту!

– Да, пожалуй, но волноваться все равно бессмысленно.

Она распахнула во всю ширь серо-голубые глаза:

– Даже если разобьемся?

– Тем более, если разобьемся

– Не понимаю.

– Все просто. Природная лень оставляет на потом мысли, мечты, поступки. Но когда отмерен срок последнего вдоха...

– Приходит время мечтаний, – съязвила соседка.

– Остается жить, но очень дорожить временем. Максимально ценить, поскольку оставшиеся минуты и секунды последние в жизни. Глупо их тратить на пустые волнения.

– В ваших словах что-то есть, – согласилась девушка. –

Где вы набрались таких мыслей?

– В тибетском монастыре.

Глаза соседки выплеснули смесь восторга и удивления.

– Что же будем делать? – она горько усмехнулась. – В отмеренные нам минуты.

– Пристегните ремни. Пока народ не паникует, запасемся провизией... Должна пригодиться.

Я нажал кнопку вызова стюардессы. Спустя 56 секунд она стояла у кресла, мило улыбалась, но я видел, что спокойствие дается с трудом. Да, она знала, что не все в порядке с лайнером.

– Извините, мы проголодались, сильно проголодались.

– Нет проблем, – она еще шире улыбнулась. – Только проголодались?

– Если можно, – я оплатил столь же стандартной улыбкой – Немного коньяка.

Стюардесса утвердительно кивнула и завихляла бедрами в конец салона.

Соседка не отрывалась от окна. Картина впечатляла: мы по пологому наклону скользили вниз, второй двигатель уже захлебнулся. Но анализ подсказывал, что мы не разобьемся:

под нами нет гор, а плещется ровный океан; наш лайнер из серии способных планировать с отключенными двигателями, так что сядем на воду без проблем.

Облачный слой клубился далеко внизу, черные тучи сверкали сполохами молний, а мы парили чуть выше в тихом лазоревом поднебесье.

– Вот, пожалуйста, – стюардесса ставила на откидные столики холодные закуски и малюсенькую бутылочку коньяка. – Больше ничего не надо?

«Молодчина. Большинство женщин уже бились бы в истерике, а она работает, как бы ничего не произошло».

– Есть вопрос.

– Слушаю.

– Мы скоро свалимся в море?

Улыбка в два ровных ряда жемчужно-белых зубов исчезла, стюардесса растерялась.

– Мы не слепые, – кивнул в иллюминатор.

Девушка не знала, что делать.

– Предлагаю честную сделку... За ваш правдивый ответ, – я очертил указательным пальцем полукруг. – Не стану будить салон. Представляете панику? Самолет может потерять управление от стихийного перемещения охваченной ужасом толпы. Ну?

– Хорошо, – сдалась девушка. – Капитан считает, что приземлимся спустя четверть часа.

– Не говорил, где?

– У Гавайских островов. Спасателей уже вызвали.

– Спасибо, договор в силе... я вас не подведу.

Стюардесса, на сколько могла, опять нацепила улыбку и пошла по салону, проявляя стандартную заботу и внимание к пассажирам.

Я разлил янтарный напиток по крохотным стаканчикам.

– Четверть часа гарантированной жизни... Познакомимся?

– Лиза.

– Фрэнк.

Совсем просто, без ломаний, обменялись именами, добавили к ним несколько грустные улыбки и подняли искрящуюся солнцем жидкость.

– За вас, Лиза.

– За вас, Фрэнк.

Крепкий коньяк сначала опалил гортань, но затем по телу пошло приятное тепло. Так я впервые познакомился с алкоголем. Сравнил воздействие: такое же, как и на человека, что приятно обнадежило, но компьютер, в отличие от мозга, работал без сбоев, только стоит ли этому радоваться?

Затем последовала вторая рюмка, а за ней последняя, третья. Мы мило беседовали, жевали простенькие закуски и все больше проникались взаимной симпатией. Аэробус вошел в грозовые тучи, пассажиры давно проснулись среди грохота небес, и только нас ничто не касалось.

Лиза коснулась руки, и по телу прошел разряд.

«Что это? – не понял я. – Молния прожгла обшивку? Нет, корпус цел».

Спустя секунду-другую выбросил из блока анализа информацию о вспыхнувшей тревоге и вновь окунулся в притягательный мир на двоих.

Телефонный разговор, 16 мая, вечер.

Майами: он опять улизнул?!

Сеул: так уж получилось, мистер Крон.

Майами: никаких следов?

Сеул: никаких... есть одна зацепочка, но слишком фантастичная.

Майами: говорите.

Сеул: в аэропорту телекамеры фиксируют всех пассажиров. Один из них, рейс на Майами, удивительно совпадает фигурой с нашим подопечным. Компьютерная расшифровка предполагает, что это «он» на 91%. Очень высокий процент. С таким процентом я бы не сомневался, но лицо...

Майами: что лицо?

Сеул: чужое. Возможно совпадение, если ему выполнили пластическую операцию. Но у Фрэнка не было ни времени, ни средств. Так что, это фантастика.

Майами: не думаю. Отработайте этот след.

Сеул: рейс на Майами исчез. Свалился в океан. Работа спасателей затруднена метеоусловиями. Но мы проверим, сделаем все возможное.

Майами: и невозможное.

Сеул: да, сэр.

Океан, 16 мая, ночь.

Вода оказалась довольно теплой, но все равно продрогли, уж слишком долго мы на плаву. Два раза левую ногу Лизы хватала железные тиски судороги. Я булавкой колот одеревеневшую ногу спутницы и массировал. Пока, для женщины, она держится молодцом. Надолго ли? Мне проще: компьютер и тибетская медицина научили управлять органами максимально рационально.

Ветер по-прежнему неистово срывал верхушки волн, мгновенно дробил в пену и брызги и швырял в нас.

Там, где затонул самолет, пролетели спасатели, что-то сбросили, но садиться в жуткую непогоду не решались.

«Верно ли решение брать с собой Лизу? Там, со всеми, ей помогут. В жилете не утонет, но еще очень долго придется купаться без помощи, пока ветер и волны хоть немножечко утихомирятся. Замерзнут, почти все замерзнут. А мы плывем и этим греемся. Цель тоже придает сил».

И тут что-то ударило в бок. Гляжу и глазам не верю: поплавок гидросамолета уносит ветром. Каким-то чудом ухватился за округлые, скользкие бока и затолкнул наверх Лизу, а за ней вскарабкался сам.

Поплавок не переворачивался. Наверно его оторвало с куском крыла, принявшим роль киля. Попробовал спасительную находку раскачать – устойчива. Уже уверенный в

успехе, оторвал грудь от дюралья и снял рубаху. При ураганном ветре она служила отличным парусом, а я – мачтой.

Лиза прижалась к спине, и я, насколько мог, поднял температуру своего тела – пусть, хоть чуть-чуть, согреется крошка. Лиза выгребла из карманов остатки колбасы. С каждым проглоченным кусочком возвращались силы и вера в длинную жизнь. А попутный ветер гнал нас к берегу. По крайней мере, я так рассчитывал, а говорят, что киберы не ошибаются.

Телефонный разговор, 17 мая.

Майами: вы уверены?

Гидросамолет: да, не хватает десяти, из них четверо мужчины. Подозреваемый среди них. В океане найдено несколько обрывков спасательных жилетов – несчастных съели акулы.

Майами: а если он добрался до какого-нибудь островка?

Гидросамолет: От места аварии до ближайшего острова не менее 60 миль. Нет, даже в отличную погоду никто не доплывет.

Майами: может быть он еще в море?

Гидросамолет: навряд ли. В радиусе 40 миль все обшарили, всех-всех живых и мертвых нашли в радиусе 3 миль. Спасатели прекращают работы. Они утверждают, что последняя десятка досталась акулам.

Майами: объяснение логичное и простое, но Фрэнк не так прост. Возможно, он жив.

Остров Лисянского, 17 мая.

Все же я не ошибся: поплавок прибило ветром к берегу, а спустя час-другой успокоились волны и ветер. Просто счастье, что рейс совершал промежуточную посадку на Гавайях, в Гонолулу, но, к сожалению, не долетел. По моим расчетам нас выбросило на остров Лисянского.

Мы потеряли багаж, впрочем, его у меня не было и обувь, но одежда и деньги сохранились. Мы гибли, но держались за эквиваленты материальных благ. Лиза сохранила кредитную карточку, а я – кошелек. Все же человеческое и мне не чуждо!

Небо прояснилось. Солнце быстро согрело, и мы побрели по пляжу к поселку. Смешаться с запрудившими остров туристами не представляло труда. Осторожность заставляла размышлять о маскировке, а Лиза ни о каких моих страхах и не подозревала. Что ей до погони?

Первым делом зашли в ресторанчик. Официант бегал то за одним, то за другим блюдом на кухню, пока наши желудки не угомонились.

– Ну, что дальше? – заметно повеселела Лиза.

– Отправимся в Гонолулу, а оттуда летим в Майами.

– Это Гавайи? – Лиза повела рукой в сторону кокосовых пальм за окном.

– Да, остров Лисянского.

– Откуда знаете? Мы никого не спрашивали.

– Стюардессу, вы забыли?

– Напротив. Она не упоминала остров Лисянского. Да и до него мы изрядно добирались. Как все же ты догадался?

– По солнцу, – я указал на жгучее светило.

Попутчица наградила молчаливым восхищением с примесью тающего недоверия.

Сковородка-солнце раскалилось добела, и в его жару плавился остров, таяли потом тела. Просто удивительно, что совсем недавно умирали от холода.

– Чего еще желаете? – вновь подбежал официант.

– Два пломбира и еще... как проще и быстрее добраться до Гонолулу?

– Можно катером, но он отправляется через три дня. Проще и быстрее нанять рыбака или яхтсмена. Вот, например, за соседним столиком хозяин «Дракона». Живет тем, что катает туристов.

– Спросите, не согласится ли он? Будьте любезны.

Официант принес немного сладкой прохлады в хрустальных вазочках и пошел к столику яхтсмена. Спустя всего три минуты он подвел молодого загорелого парня.

– За 500 монет мигом долетим до Гонолулу, – без приветствия взял «быка за рога» юный делец. – Яхта – зверь, да и ветер хорош.

– Когда отчалим?

– Хоть сейчас.

– По рукам, – согласился я, и мы пожали руки.

– Отплываем через час, – уточнил наш капитан. – Я пойду готовить судно, а вы пока развлекайтесь. Правда, кроме телевизора никаких чудес.

Любезный официант включил программу новостей.

– Найдете по грот-парусу, – добавил в дверях капитан. – На нем золотой дракон. У вас еще час... Не опаздывайте.

Главной новостью на Гавайских островах, несомненно, была авария аэробуса. Ругали авиакомпанию за использование давно отлетавших свой срок машин. Показывали спасенных, покойников и изодранные акулами спасательные жилеты. На заднем плане пару раз попал на экран вездесущий блондин.

«Значит, напали на след, – анализировал я. – Как? Ищейки в Сеульском аэропорту не опознали. Остается компьютерная расшифровка телезаписи пассажиров. Да, иных вариантов нет. Так что, не будь аварии, прихватили бы в Майами, в аэропорту. И не пискнул бы».

– Ой! – обрадовалась Лиза. – Вот наш сосед, перед нами сидел. Живой!

– Пошли, нам пора, – сразу оборвал ее и поволок к выходу.

Официант, несомненно, пропустил мимо ушей Лизин треп и тихо посапывал. Жаркий день разморил даже туземца, но некому было обижаться: мы ушли, и ресторан опустел.

Гонолулу, аэропорт, 1 июня.

Как только мы вошли в зал ожидания, объявили посадку на Майами. Из разных концов зала спешили к посадочной площадке пассажиры. Сюда торопилась знакомая четверка преследователей. Воистину: пути Господни неисповедимы. На сей раз, я еще не только не наследил, но не добрался до Майами, а они уже туда летят.

– Ой, – обрадовалась Лиза. – Мы успеем, побежали за билетами.

– Если ты не против, полетим следующим рейсом.

– Целый день толкаться здесь, зачем?

– Очень прошу.

– Хорошо, – согласилась Лиза, но она совсем ничего не понимала.

Майами, 3 июня, утро.

«Как это случилось? Сначала она предложила остановиться у нее. Я хотел поселиться в гостинице, но Лиза настойчиво предлагала свой домик. У нее и разумный предлог был: скромное гостеприимство спасенной. Спасенная смахивала пылинки со своего героя, ее бы огорчил отказ. А я уже воспринимал Лизу хозяйкой. Точнее, как того, кто дорог, за кого в ответе. Согласно программе поведения на сей случай, я не перечил новой знакомой. Затем, уже дома, пригласила танцевать. Нежные руки ласкали, упругая фигура так ладненько приклеилась, а уста искали уста. Человечье тело загорелось желанием, программы поведения смешались. Я не управлял собой, а витал в обрывках правил поведения, ее и своих страстях и уступил желаниям Лизы. Прав ли я? Не знаю, но если сбегу от нее или охладею, то погублю доверившегося человека. Нет, не сбегу! Слишком, уж жестко вбита программа ответственности за жизнь человека. Киллер, а до чего додумался... Впрочем, я не убийца, тяги к крови нет в программах. Построен охранником, а все остальное лишь домыслы Крона. Но пароль?! Да, дилемма. Как разрубить проблемный узел?»

– Фрэнк, ты не спишь?

– Нет.

Тут уж ни на йоту не солгал. Моему телу необходим вре-

менами отдых, но для него достаточно покоя. Сон не нужен киберу. Лишь для маскировки иногда приходится сопеть с закрытыми глазами.

– Я долго думала, но не могу понять... Кто ты?

«Сказать? Нет, нет! Правда зачастую ранит. Да и что такое, правда?»

– Сам не знаю, Лиза. Кто ответит верно на столько глубокий вопрос?

– Не спору, но ты уж чрезмерно нестандартен.

– А может, наоборот, слишком стандартен, обычен? Поведение абсолютно вписывается в нормы?

– Не увиливай, Фрэнк. В аэропорту, в Гонолулу, кто-то тебя смертельно напугал. А ведь ты раньше никогда не был в этом городе, никого в нем не знаешь. Никогда не был?

– Нет, не был.

– Это, во-первых. Во-вторых: ты без навигационных приборов, в сложнейших условиях взял курс на остров Лисянского. Сначала я думала, что выплыли к острову волей случая. Но потом ты подправлял курс опытному яхтсмену на пути в Гонолулу. Причем, не глядя на карту и компас. Чистый супермен. Работаешь на ФБР, ЦРУ, мафию? Только не говори, что ты тихий неприметный коммивояжер или что-то в подобном духе.

– Хорошо... признаюсь, Лиза. Я ни на кого не работаю, но мафия долго-долго, упрямо-упрямо арканит в свои сети. Надеюсь, сейчас успокоятся, спишут в покойники.

– Ты их заметил в аэропорту?

– Да. Сидят на хвосте от самого Тибета, но сейчас уж я возьму их след. Противник тоже обосновался в Майами, и завтра прозондирую их планы.

– Сумасшедший. Лучше сбежим подальше, на край света. Зачем дергать кота за хвост? Все равно ты числишься среди погибших, тебя забудут.

– Возможно, ты права, а может – нет. Завтра разворошу логово, или они меня.

Майами, 4 июня, утро.

По всему получалось, что мой новый облик вычислили. Рациональнее было бы заявиться к Крону инкогнито, а не в открытую. Значит необходимо замаскироваться. Пластическая операция требует много времени на послеоперационное заживление, да и я уже привык к созданному собой лицу, а не полученному в наследство. Но главное – напугает Лизу новый облик. Поэтому достал грим, театральный пластик и занялся лепкой одутловатого, круглощекого лица. Уровнял цвета кожи и пластика гримом, немного подрисовал красных алкогольных прожилок на носу и щеках. Затем приладил под рубашкой подушку. Мазнул несколько седых прядей, изменил прическу и нацепил очки.

У зеркала прошелся респектабельный жрец «зеленого змия». Не пьянчужка, а не теряющий головы бизнесмен с надежно налаженным делом. Вот он и потворствует в разумных границах своему сорокаградусному хобби.

Для большей достоверности хлебнул из бутылки виски и открыл дверь к Лизе.

– Не помешаю? – спросил измененным голосом.

– Кто вы? – вскочила с кресла перепуганная Лиза. – Как сюда попали?

– Это я, Фрэнк, – попытался успокоить старым голосом, – на лице грим, а здесь подушка.

Пришлось сбросить пиджак, расстегнуть рубашку. Только, когда увидела пуховой живот, Лиза начала узнавать в толстопузом нахале меня.

– Видишь? Это я, Фрэнк...

– А я уж думала... мафиози напал на след или грабитель.

– Напротив, именно таким я прошупаю мафию, а не противник – нас. Не узнают?

– А вдруг?

– Но ты не узнала?!

– Все равно – опасно.

– Бездействие не менее опасно.

Майами, 4 июня, день.

– Мистер Крон, к вам просится некий Фредериксон. Впустить?

– Чего ему?

– Что-то о бананах. Говорит, что предложение пахнет миллионами, сделка века...

– Фредериксон? Да, среди наших банановых конкурентов мелькала похожая фамилия. Сделка века?

– Да, он так утверждает.

– Бананы... такая малость. Да ладно уж, пусть войдет.

«Выгорит максимум пара миллионов, – рассуждал Крон. – Стоит ли тратить время на мелочи?»

– Мистер Фредериксон, – Крон приветствовал вошедшего.

«Нет, не припомню. Видно мелкая сошка. Зачем согласился на предложение пьянчужки? Да, да от него пахнет!»

– Рад пожать вашу руку, – ломал комедию Фрэнк, – Надеюсь, мы станем соратниками, а не конкурентами. Лишь выслушайте мое предложение.

– Да, несомненно. Присаживаетесь.

Фрэнк опустился в глубокое мягкое кресло. Пока искал удобное положение, рука быстро и незаметно приклеила «жучок» под крышку стола.

– Мистер Крон, я буду краток. Поставка бананов из лати-

ноамериканских государств принадлежит практически нам. Мне – 50% и вам – 45%. Остальные 5% – легкие дуновения ветерка в нашем бизнесе.

– Согласен. Примерно так.

– А если мы, согласованно, взвинтим цены на каких-нибудь 5%? То посыплется дополнительная прибыль в десятки миллионов.

– Но возмутится пресса, общественность...

– Я предлагаю скрытое повышение цен. В период массового созревания плодов цены падают. Мы их оставим прежними. Потребитель к конкуренту не побежит, так как такового не существует. Мы просто сохраним цены, и удорожания никто не сможет заметить.

– Да, в этом что-то есть. Но я не принимаю решений без консультаций со специалистами.

– Да, конечно. Время пока терпит. Я заеду в конце следующей недели.

– Нет, нет! Зачем же тянуть? Специалист по сбыту бананов сейчас войдет. Я его уже вызвал. Пока мы беседовали, нажал на кнопку, и он идет.

«Я ни разу не видел фотографий Фредериксона и лепил не бананового магната, а наиболее непохожий на меня облик. Для Крона он незаметная малявка, но не для человека занятого банановым рынком, для настоящего доки в этом деле, я не Фредериксон, а самозванец».

– А вот и он. Знакомьтесь. Стоун. Фредериксон.

– Представитель Фредериксона? – уточнил Стоун.

– Нет, – начал беспокоиться Крон. – Сам Фредериксон.

Вы не узнаете?

– С банановым магнатом Фредериксоном я неоднократно встречался. Это не он.

Крон не сомневался в Стоуне и быстро среагировал:

– Взять шпиона, – крикнул он, и для большей убедительности ударил в гонг.

Верный исполнительный Стоун попытался схватить за рукав, но моя пятка выбила из него: ой! Специалист по бананам уставился безумными глазами поверх наших голов и рухнул на пушистый ковер.

«Ничего страшного, мигом отойдет».

В зал вбежали охранники, увидели Стоуна на полу и потащили из подмышек пистолеты.

Компьютер всей мощью переключился на доработку альтернативной программы. Впрочем, план ухода с заложником требовал постоянной доработки из-за массы дестабилизирующих факторов. А их можно рассчитать лишь частично.

Я прикрыл голову и грудь массивным креслом и бросился к Крону. Охранники решились пустить в ход оружие. Кресло пару раз дернулось, но выдержало. В подушку, прикрывавшую живот, тоже ударило три раза.

– Ох, ох, ох, – настала моя очередь верещать. Еще одна пуля обожгла бедро, когда уже ухватился за Крона. Пистолеты смолкли – можно попасть в шефа. Я, якобы опасаясь пуль,

опрокинул на ковер Крона и сам им прикрылся. Стол скрывал нас от охраны, и я, незаметно для всех, приклеил под подошву высокопоставленного заложника еще один «жучок».

– Прикажи им выйти.

Крон засопел, покраснел от злости, но скомандовал:

– Проваливайте, попытаюсь с ним договориться.

Подчиненные вышли. За дверью слышалась возня.

«Борются за место у замочной скважины. Большого такая охрана недостойна. Пусть шебаршат – навозники».

– Крон, вы сами виновны в сложившейся ситуации. Но сейчас мы можем говорить откровенно, отбросив камуфляж... Вы узнаете меня?

– Нет.

– Фрэнк.

«В глазах вспыхнуло недоверие – маскировка удалась не так уж плохо».

– Да, да, именно тот, биоробот.

– Неужели?

На лице Крона читалось замешательство, но спустя три четверти секунды поверил, и почти сразу его окатило злорадство.

«Что, что он задумал?»

– Знай свое...

«Код программы подчинения. Что делать?»

– ... место...

«Отключить слух!»

– ...

«Его рот забавно хлопал пухлыми губами. Нет, не буду даже переводить в слова беззвучное шевеление губ и языка. Пожалуй, уже можно включать слух».

– Ты не подчиняешься?

– Как видите.

– Профессора ошиблись? Невероятно?!

– Они не учли обратной связи с телом, – начал «вешать лапшу» Крона. – Не советую повторять опыт. Второй экземпляр слуги вообще может стать на позицию террора по отношению к хозяину. Я же хочу совсем малого: забудьте о своем неудачном роботе, и он вам не навредит. Годится?

– Согласен.

«Его моторные реакции отражают ложь. – Анализировал подобно детектору лжи. – Да, несомненно, врет».

– Вот вы и проводите, для страховки, на нейтральную «почву», и мы расстанемся навсегда. Пошли.

Я поставил Крона перед собой, ухватил его за шею левой рукой и вонзил указательный палец правой в спину. Подопечный аж побелел со страху, что я ненароком нажму на курок. Так, словно приклеенные, мы дошли до самых дверей.

– Успокой свою свору, – приказал Крону и распахнул ногой дверь.

– Не стрелять! – заверещал насмерть перепуганный магнат.

У вышибал руки чесались, только шефа привыкли слу-

шаться с полуслова.

– В сторонку, джентльмены, – попросил я.

Громилы возмущенно запыхтели, но отошли к стенкам широкого вестибюля, старательно целясь своими пукалками. Мы спокойно продефилировали мимо почетного караула. Охрана пыталась сопровождать дальше, но пришлось охладить их пыл:

– Дальше мы обойдемся без вашего участия. Иначе вас и вашего шефа постигнут огромные неприятности. Верно?

– Да, да, – мигом подтвердил Крон. – Мне безопаснее без охраны. Не следуйте за нами.

До выхода дошли без сопровождения. На стоянке быстро втолкнул заложника в ближайший автомобиль. Водитель что-то верещал, размахивал руками, но его мигом вышвырнул на тротуар и погнал машину подальше от стоянки. В зеркальце заднего вида высыпала охрана.

Проскочил два квартала, налево еще один квартал и высадил Крона. Гнал машину еще квартал, повернул направо, немного проехал до метро. Погоней не пахло, и я нырнул в подземку.

Среди бесконечно запутанных лабиринтов метрополитена даже любитель, а не только профессионал, легко заметет следы. Переходя на следующую линию, зашел в туалет, запихал в мусорное ведро подушку и пиджак. Рубаха светилась тремя пулевыми отверстиями. Недолго думая ее отправил туда же. Хорошо еще, что на майке лежала подушка, и пули до

нее не дошли. Живот, болел, но органы в порядке, серьезно не травмированы. Пустячные потери подняли настроение, и я стал спокойно снимать грим.

На поверхность вышел совсем иной человек – ищи ветра в поле.

Майами, 4 июня, вечер.

«Жучок» под столом нашли еще до моего возвращения, но никто не догадался обыскать Крона. Под каблуком звуки несколько искажались, глушились, но суть улавливалась моим приемником. А я грелся на солнышке у Лизиного бассейна (отличный у нее домик) и слушал растревоженный улей.

– Я не успокоюсь, пока Фрэнка не доставят, – тембр голоса трудно распознать, но так говорит хозяин. – Живого или мертвого.

– Он никуда не скроется, – ответил второй голос. – Мы задействуем все наши силы, подключим к поиску частных детективов и, даже, полицию.

– Да, да, – поддержал Крон. – Не скупитесь. Подбросьте им денегат, что бы землю рыли копытами. Назначьте приз нашедшему.

– Миллион... вы согласны?

– Вполне. Дал бы и больше, Фрэнк стоит того, но и миллиона больше чем достаточно.

Из дома вышла Лиза, и я отключил приемник.

«И так все ясно. Крон вышел на охоту. Война, так война, – решил я. – Но следующий удар за мной. Посмотрим, чья возьмет. А пока займусь своим главным предназначением – нести радость Лизе. По крайней мере, программы не бунтуют, когда оберегаю ее. Мне кажется, даже не смогу су-

ществовать без забот о Лизе».

– Искупаемся?

– Да, Фрэнк.

И мы нырнули в лазурную прохладу бассейна.

Майами, 10 июня, утро.

«Кажется, выудил именно тот разговор, за которым охочусь. Да это же козыри в борьбе с Кроном, моя волшебная золотая рыбка. Ну, говорите, говорите!»

– Таможня пропустит груз. Их согласие обойдется в 10 миллионов.

«Это не Крон. Не мешало бы определить всех участников заговора. Чем больше «крючков», тем лучше».

– Партия зелья чрезмерно велика для глупых осечек. Портовая полиция готова сопровождать груз?

«А вот и мой «больной зуб». Второй похож на главу портовой полиции».

– Все десять контейнеров будут сопровождать по полицейскому. Каждому полицейскому обещано по семьсот тысяч, шоферу – триста. Итого: таможне – 10 миллионов, полицейским достанется 7 миллионов, водителям – 3, и мне, как организатору – 10. Всего 30 миллионов.

– Не волнуйтесь, получите свое. Ваш гонорар – капля в полутора миллиардах. Моя лично прибыль, конечно, поменьше стоимости всей партии наркотика, но на ваши крохи не позарюсь.

«Полтора миллиарда? Целых десять автомобильных контейнеров! Потеря для Крона не смертельная, но ощутимая. Удар, нанесенный с помпой, разрушит приличный кусок

наркобизнеса. Затем ему придется подкупать следствие, суд, назойливых журналистов. Сколько он съест нервов? Так что, полутора миллиарда – вершина айсберга. Потери окажутся покруче».

– Я не сомневаюсь в вашей порядочности. Просто уточнил детали.

«Смех. Воры толкуют о морали. Посмотрим, что запоют, когда запахнет жареным».

– Хорошо, хорошо. Значит, транспорт «Натали» приходит послезавтра утром...

– А вот и жаркое, – вприхнула в столовую Лиза с серебряной кастрюлькой. – Мое фирменное.

Я среагировал еще на скрип двери – отключил приемник, вмонтированный в наручные часы.

«Зачем ей лишние волнения? Итак, услышал достаточно – ударю мощно, весьма мощно».

От расчета вариантов удачного исхода поднялось настроение, улучшился аппетит.

«Интересно? – с удивлением определил я. – Как бесстрастная машина может радоваться? Странно, но во мне порой мелькают, не трезвые расчеты программ, а чувства. Неужели действительно сказывается обратная связь с телом?»

Ощущение родства с Человеком вылилось бестолковой широкой улыбкой.

– Что случилось? – вернула в не менее приятную реаль-

ность Лиза. – Выиграл миллион?

– Выиграл? Да, но значительно больше – тебя, Лиза.

– Мне нравятся твои комплименты.

Лиза отбросила в сторону полупустую тарелку и запрыгнула ко мне на колени: – Ты еще жуешь? Неужели жаркое тебе нравится больше?

Мужское начало заглушило программы. Поцелуй и вовсе отрубил аналитические отделы компьютера. В автоматическом режиме шла только работа жизнеобеспечения. У людей говорят: пошла голова кругом. А у меня? Мир растворился в сладких устах, нежно-влюбленном взоре Лизы...

Майами, 10 июня, полдень.

– Что скажете о Фрэнке?

– Стыдно признаться, но пока ничего... полицейским розданы фото, описание и обещано вознаграждение за поимку. Наши агенты истоптали ноги. К поиску подключены частные сыскные агентства.

– И ничего?

– Всему свое время. Планомерный массовый поиск обязательно даст результат. Еще несколько дней, я думаю...

– Думайте побыстрее, иначе придется поставить на ваше место более энергичного и думающего человека. Жду быстрого результата. Идите.

«Да, как и предполагал, он попросту не успокоится. Только превентивный удар, а затем переговоры с позиции силы способны охладить его пыл. Мои компьютерные программы незапятнанны – он сам заставляет защищаться. Да, да, да! Сомнениям – нет! Пусть грянет гром, разверзнутся хляби небесные над Кроном. Кажется, так проклинали врагов люди?»

– Фрэнк, – крикнула Лиза из ванной. – Потри, пожалуйста, спину.

– Сейчас.

«Для надежности позвоню нескольким частным детективам, но только в мелкие, а не солидные агентства (наверяд ли

работают на Крона). Еще подключу армию и ФБР. Полиция отпадает – сплелась с мафией. Не помешают журналисты и телевидение. Звонить начну под утро – не успеет просочиться информация. Ловушка обязательно захлопнется».

– Ты прекрасна, словно богиня, рожденная пеной.

– Ты прав – пены хватает, – Лиза хлопнула по искрящимся сугробам пузырьков. – Тебя не хватает, скучно... ныряй ко мне, милый.

– Непременно, только халат сброшу.

«Ну, все, снова «поплыли» программы. Может ослабить сигналы рецепторов к компьютеру? Зачем?! Пусть «плывут». Вот она прижалась ко мне – все, ничего уже не изменишь, поздно...»

Майами, причалы торгового порта, 12 июня, утро.

Сухогруз «Натали» пришвартовался, прокричав о своей маленькой победе коротким гудком. К трапу сразу поспешили таможенники и, по-видимому, представители торговых и транспортных компаний.

Через полчаса ожили краны, вытаскивая из бездонных трюмов контейнеры. У причала построились десять грузовиков. Прошло еще с полчаса, и их загрузили десятком контейнеров. В головную машину сел капитан с папкой документации, в остальные – сержанты портовой полиции. Колонна тронулась.

На первый взгляд операция Крона шла без сучка, без задоринки. Но я знал и видел больше беспечных исполнителей своего врага: на верхотуре старого маяка иногда сверкало око телекамеры, в торговый порт вползала туша грозного крейсера, по якорной цепи карабкался на «Натали» аквангист...

Не знаю, кто руководил всем разношерстным воинством, да и какая разница кому получать лавры победителя? Возможно, ФБР и армия вообще действовали разрозненно, но не успела колонна грузовиков покинуть порт, как вся скрытая армия ожила, активно зашевелилась. Сначала взлетела с крейсера зеленая ракета. Сразу за ней небо заслонило де-

сятка два тяжелых десантных вертолета, а из-за борта крейсера вырвалось три катера, сам крейсер повел двадцатидюймовыми пушками в сторону сухогруза. Половина вертолетов выбросила десант у грузовиков, а остальные парни в зеленых беретах посыпались по канатам, словно горох, на причал и беззащитное судно. Катера блокировали борт сухогруза со стороны моря. Судно окружили со всех сторон: в небе – вертолеты, у пирса и на борту – десант, в море – катера и крейсер. Не удивлюсь, если и на дне лежала подводная лодка.

Автомобили с наркотиком уже потрошили. В сторонке приунывшей стайкой топтались водители и полицейские, под присмотром десантников. А журналисты, уже не скрываясь, совали всюду настырные носы.

«Шумиха удалась на славу. Такое уже никак не скроешь. Не пройдет и часа, как о махинации века связанной с наркотиками растреляют ведущие информационные агентства мира. Крон докатится до поиска личного алиби. Конечно, открутится, но крови у него попьют. Все идет в рамках рассчитанного. А пока, под шумиху, можно сматывать удочки, бежать подальше.

Переговоры с Кроном оставлю на потом. Он взбешен, готов наломать дров. Пусть страсти немного успокоятся – тогда поговорим, если понадобится».

Беларусь, ст. Крыжовка, 15 марта 2097 года.

«Хорошо прошел год. Тихо, мирно, спокойно. Все же не зря улизнули от Крона. После провала с «Натали» ему было не до меня, вот и проморгал наше исчезновение. Если продолжать и дальше спокойную, неприметную жизнь, то, возможно, не найдет нас, а потом вообще позабудет?»

– Фрэнк, – позвала Лиза из спальни.

Я определил тревогу в ее голосе и во всю прыть побежал по коридору.

– Что случилось, милая? – кричал на бегу. – Как ты, хуже?

Лиза лежала уставшая, бледная и как-то смущенно и виновато улыбалась.

– Кажется, пришло время.

– Схватки? – перебил ее.

– Да, Фрэнк. Вызывай врача.

«Конечно, я приму роды не хуже профессионала, но так Лизе спокойнее. Придется вызывать врача из города. Хоть в большом городе могу «засветиться», но не огорчать же жену».

– Алло, – говорил, в телефонную трубку. – Это скорая?

У жены начинаются роды... Нет, только первые схватки. Мы в Крыжовке, рядом со станцией... Здесь, в лесу, с десятком домиков. Я разведу костер у нашего... Уже вылетает

вертолет? Спасибо, иду встречать.

– Ты уж потерпи, Лиза. Я к вертолету. Потерпишь?

– Не волнуйся. Выдержу.

Лиза подбодрила нас обоих улыбкой, но в ней не хватало уверенности.

– Все будет хорошо, – поцеловал Лизу. – Не волнуйся. – Еще раз поцеловал и выбежал во двор.

«Скоро случится чудо. Союз человека и машины родит человека. Я – отец ребенка?! Или его родитель – только тело? Как бы ни было, но я добром отплатил за оболочку убитого Кроном человека – зачал ему ребенка и воспитаю его. Я тоже буду отец. Отец!»

Хворост сначала пустил немного дыма, но быстро заплясали языки пламени, дым почти исчез. Что бы было виднее подальше, стал подбрасывать еловые лапки. Теперь хватало как дыма, так и пламени.

«Не заметить нельзя», – определил я.

Прошло еще 5 минут 37 секунд, как над соснами показался вертолет. Летчик заметил костер, немного скорректировал полет и, развевая пепел и дым, опустил машину на лужайку у костра. Лопасты продолжали раздувать огонь, а бригада медиков соскочила на траву с носилками.

– Вы вызывали? – спросил врач.

– Да, она в доме.

Врач махнул рукой санитарам, и они побежали с носилками в дом. Путь от вертолета до кровати им обошелся всего

в одиннадцать секунд.

– Схватки были? – без предисловий спросил врач Лизу.

– Да.

– Мы вас забираем. Не волнуйтесь. Женщины миллионы раз в год совершают это чудо, наплодили весь мир людьми... Все будет хорошо.

Санитары, не дав что-либо ответить жене, ловко подхватили роженицу с постели и положили на носилки. Даже я, без тренировки, не смог бы повторить все так мастерски. Через 59 секунд носилки укрепили в вертолете.

Прошло еще 8 секунд, и посадочные ноги оторвались от травы. Бригада работала на загляденье слаженно, быстро, но без суеты.

Лиза уцепилась за руку, словно за спасительную соломинку, губы пересохли, глаза испуганно распахнуты.

– Не волнуйся, милая, – слепил ободряющую улыбку. – Через пару минут будем в больнице, да и здесь есть все для приема родов.

– Да, да, – поддержал врач. – Все будет хорошо, поверьте моему опыту.

Лиза вымученно улыбалась, как бы соглашаясь с нами, но по-прежнему цепко держала меня и смотрела... Просила взглядом, но что я мог сделать? Не родить же за нее. Беспомощен, совсем беспомощен. Оставалось только улыбаться, гладить нежную руку и не пропускать в растревоженную психику женушки панику спокойными убедительными словами.

Эта малость давалась без труда, ибо не сложна в исполнении и нет противоречий в заложенных в компьютер программах.

Мы пролетели над самой крышей замка (говорят: бывшей тюрьмы) и аккуратно приземлились в соседнем дворе больницы. Полет длился 2 минуты и 6 секунд. Ребята скорой помощи все больше и больше нравились.

Спустя еще полторы минуты Лиза уже лежала на столе и тужилась под наблюдением гинекологов.

На время схватки прекратились, Лиза немного перевела дух и почему-то застеснялась:

– Подожди там... только не обижайся, пожалуйста.

– Какие обиды? – я промокнул бисеринки пота на любимом лице.

«Больно. Наверняка больно и тяжело, но она не может, как я, унять боль. Остается терпеть».

– Жду за дверью. Потерпи уж, любимая.

Только вышел, как из-за двери саданул по ушам крик – снова схватки.

«Патологий нет, она под наблюдением опытных врачей, так почему же я так беспокоюсь? Зачем, уже в который раз просчитываю варианты родов? Пора остановить бессмысленную работу компьютера. Все закончится отлично. Все симптомы за удачные роды. А вдруг у нее не хватит сил, не правильно пойдет ребенок, погаснет свет, землетрясение? Чушь, чушь! Подобные события практически невозможны, вероятность вертится около нуля. Если и произойдет нечто

похожее, то ничего еще не потеряно. На то есть системы аварийной страховки, обученный медперсонал и еще я стою за дверью. Да, не зря штудировал медицину в тибетском монастыре».

– А-а-а! – нескончаемо неслось из-за двери.

«Странно – тембр не Лизин? Врачам кричать ни к чему, разве порезались скальпелем. Кто за дверью кричит? Да это же ребенок, мой ребенок! Взглянуть, немедленно насмотреться на чудо!»

Беларусь, Минск, роддом, 20 марта.

– Для коллектива нашего роддома наступил огромный праздник – мы помогли появиться на свет полумиллионному человечку, – продолжал свою речь главврач, а фотовспышки почти слились в непрерывный поток света.

«Добром это не кончится. После первой фотографии пришлось сорваться с насиженного места. Скоро ли на сей раз меня Крон вычислит?»

– Позвольте и вам, – главврач легонько поклонился Лизе и мне с малышом на руках. – К празднику рождения сына приобщить наш полумиллионный юбилей и подарок.

К нам подошла медсестра с набором детских принадлежностей и сберкнижкой на имя сына.

– Надеюсь, – продолжил он. – Скромный денежный вклад поможет малышу ощутить себя совершенно самостоятельным в день совершеннолетия и, с чувством благодарности, вспомнить наш коллектив... Большого нам и не надо.

Дружные аплодисменты подтвердили верность слов выступающего. Затем последовали наши ответные речи. Лица светились радостью, а я, как мог, прятал тревогу за улыбкой. Наконец мы миновали входные двери, щелкнули последние снимки, и мы сели в вертолет. Внизу нам махали люди в белых халатах и фотографы.

«Нутром чую, – обреченно думал я. – Пришел конец на-

шей идиллии. Фотографы всегда несут мне несчастье. Что значат пустые ведра, черные кошки и подобная чушь по сравнению с нюхачем сенсаций – порожденьем Сатаны?!»

Со ступенек у центрального входа что-то весело кричали, задрав головы вверх, но винтокрылая машина мигом сократила провожающих до малюсеньких букашек. Еще несколько секунд и мутные клочья облаков все скрыли.

Я не представлял, как начать серьезный, разговор с женой, но знал, что от него не уйдешь.

«Еще есть время. Пусть пару дней порадуетя, а потом расскажу. Конечно не полностью – незачем знать какой я, но об опасности со стороны Крона сообщу все».

Лиза смеялась, улюлюкала улыбчивому малышу, глаза светились счастьем.

Спустя 3 минуты 17 секунд после взлета опорные ноги вертолета примяли травку лесной сказки в Крыжовке. Но скоро, если не принять мер, сказка добрых фей, мотыльков и бабочек наводнится не прошеными толпами разбойников. Еще 3, максимум 4 дня, и поисковый компьютер мафии проанализирует мировую информацию прессы на сегодня и найдет мои фотоснимки. Нашли в Тибете, а в Европе – подавно. Главное – как уберечь Лизу и сына? Сотворили телохранителем – вот и придется попотеть по специальности.

Крыжовка, 23 марта.

– Вот и все, что хотел сказать, – завершил тяжелое признание.

Надо сказать, что хоть радость исчезла с лица, но Лиза держалась достойно.

– Сколько еще у нас времени? – довольно спокойно спросила она.

– Самое меньшее – минуты, а большее – день, максимум – два.

– Тогда пойду собираться.

Она вышла в детскую и приступила к упаковке чемодана. В первую очередь в него легли детские принадлежности (она очень заботливая мать), а затем пара-тройка наших вещей и кое-что из еды.

– Ну, вот и все, – очень уж спокойно и буднично сообщила она. – Я готова.

– Забыла деньги и украшения.

– Ах, да, – чуть-чуть встрепенулась Лиза и пошла к сейфу с деньгами и документами.

– Теперь, действительно готовы, – подытожил я.

Лиза взъерошила мне волосы:

– Что же делать, коль судьба у нас такая? Не печалься, милый.

Я собирался ответить, как заверещал телефон.

– Алло.

– Вам звонят из роддома. Вы просили предупредить, если кто-либо будет о вас спрашивать.

– Давно они были?

– Только что взлетели на вертолете. Говорили, что ваши родственники.

– Спасибо, вы мне весьма удружили.

– Нет за что. До свидания.

– До свидания.

– Они? – догадалась Лиза. – Скоро?

– От двух до пяти минут. Пошли скорее.

Лиза взяла ребенка с кровати, я ухватился за чемодан, и мы вышли из дома.

Хорошо, что дом стоял на опушке леса. Только скрылись под вековыми соснами, как над нами пролетел вертолет, завис над домом и мягко сел на лужайке. Лопасты продолжали свое стремительное кружение, а из пузатого фюзеляжа выскочило шестеро парней. Четверо вломились в дом, а двое с автоматами страховали снаружи.

Я решил не досматривать бесплатный спектакль в стиле триллера и потащил чемодан вглубь леса. В трех километрах от дома заблаговременно смастерил землянку, замаскировал дерном и кустарником. В нее протянул под землей кабель, так что энергообеспечение не волновало. Еды и питья так же было в избытке. Нас ждало достаточно благоустроенное убежище.

– Ого?! – искренне удивилась моя женушка. – Здесь и детская кроватка?

– Тут все есть, но долго не придется прятаться... Я так думаю.

Я включил фильтры, и спустя четверть часа затхлый запах подземелья улетучился.

Лиза сняла упаковочную пленку с белья, застелили детскую кроватку и нашу, двуспальную. На электроплитке разогрела обед. Она просто молодчина: не хнычет, спокойна, сразу нашла себе дело, как бы ничего не случилось.

«Интересно, почему я решил оберегать ее? Не я, а она сама меня выбрала. Да, но и Крон хотел меня в услуженье и даже знал код программы безропотного подчинения. Но я, как Колобок, от него ушел. Так что же меня навеки подарило именно ей? Влюбился?! Но я же машина! Машина, только не совсем. Была причина избрать именно ее, одну из миллионов, целью всей жизни. Тело человека-донора подсознательно стремилось к ней, а компьютер определил в Лизе идеального хозяина. Она не требует абсолютного рабского подчинения. Формально она и не может быть хозяином, так как не сказала код подчинения, но мне приятно исполнять просьбы, ибо в них нет противоречий с вложенными в титановую коробку программами.

Лиза не знала бы больших тревог за спиной верного робота-мужа, не будь на свете Крона. Но он есть – проклятый душегуб! Уничтожить его не смогу даже для спасения Лизы

– замкнет блок управления телом и меня парализует до попытки убийства. Даже по приказу не смог убивать, а тут – сам... Нет, такой путь не годится. Остается шантаж. Завтра сам выйду на связь с Кроном. Еще посмотрим, чья возьмет».

Минск, 24 марта.

Еще раз стрельнул глазами вокруг – ничего подозрительного. Да и от куда взяться ищейкам, если до самого Минска добирался лесом или чуть ли не по-пластунски полз на брюхе по лугам и полям. Всего за час в большом городе почти невозможно за здорово живешь засветиться. Помимо того, насколько ни могуществен Крон, но и он не может всюду разбросать армии шпииков. Конечно, разумнее всего искать именно здесь, но где гарантии? Несомненно, часть сил прочесывает ближайшие городки и села. Пусть ищут... После звонка в Майами все изменится, они будут сдувать с нас пылинки.

«Да, слежки нет», – подытожил я и вошел в телефонную будку.

Трубка ожила знакомым голоском секретарши.

– Мне нужен Крон, – без предисловий гудел в нежные ушки на другом континенте.

– Он занят.

– Скажите, что звонит Фрэнк, и он бросит все дела.

– Ну, уж, нет!

– Вы только скажите, а я подожду у телефона. Не скажете, а он узнает о моем звонке – в порошок сотрет.

За океаном нервно сопели. Чувствовалось за тысячи миль, как ворочаются в кудрявой головке злость и осторож-

НОСТЬ.

– Хорошо, ждите, – наконец сдалась она.

Телефон молчал 46 секунд, кашлянул и заговорил хриплым голосом Крона:

– Фрэнк?

– Да, я.

– Не ждал... Что у тебя?

– Достаточно полная информация о сухогрузе «Натали».

Интересует?

– Да.

– Пусть твои молодчики возвращаются домой. Я сам приеду, без провожатых. Иначе – война, а информация найдет заинтересованного в твоей гибели адресата. Согласен?

– По рукам. В течение получаса все будут оповещены и отозваны. Когда ждать?

– Завтра прилечу. Жди вечером, – ответил я и, словно поставил точку, положил трубку.

«За Лизу с малышом можно не беспокоиться, – прочитывал всевозможные ситуации компьютер. – Она обещала из землянки неделю не высовываться. За это время ситуация так или иначе разрешится. А если проиграю, убьют, то Крону сынок и жена не нужны. Выберутся из подполья и спокойно заживут. Деньги у них есть, вот только я не смогу оберегать. Впрочем, 84,2% за то, что смогу, что расстанемся с мафией полюбовно. Еще 0,3% выпадают на то, что Крон не примет условий, но я вырвусь из лап смерти. Остальные 15,5% –

СМЕРТЬ. Тело изгрызут черви, а компьютер еще лет пять, а то и шесть будет анализировать мрак и тишину могилы, пока не сядут аккумуляторы...»

Майами, 25 марта.

Как только вышел из самолета, к трапу подрулил шикарный лимузин.

– Я от Крона, – представился водитель.

– Я сам приеду, через два часа, – жестко охладил его пыл.

– Замечу слежку, не поздоровится.

Я не уточнял, кому именно не поздоровится. Но собеседник покорно кивнул, сел в машину и что-то передал по телефону. Судя по всему, вероятность плясала около 96%, что сейчас отзовут из аэропорта всех соглядатаев.

На всякий случай все же проверил слово Крона. Сначала сел в такси, затем ехал в подземке, снова забрался в такси, а дальше пешочком добрался до тайника. Подозрительного ничего не наблюдалось, и я запустил руку за спрятанным приемником. Жучок в башмаке Крона мгновенно отозвался, но, судя по звукам, обувка преступного магната валялась на свалке. На лучшее я почти и не рассчитывал, 98% выпадало на вероятность именно такого исхода.

«Ну что же, буду вести игру втемную», – принял окончательное решение и поехал к Крону.

Когда вошел в офис неугомонного врага-охотника, вся обслуга светилась приветливыми улыбками, но я знал цену лживой доброте. Правда, все равно радовала готовность Крона к переговорам, к компромиссу. Иначе трудно объяс-

нить реакцию местных прихлебателей.

В приемной секретарша подарила почти искреннюю улыбку фотомодели.

– Мистер Фрэнк, Крон ждет вас, – она распахнула высокую дубовую дверь. – Прошу вас.

Крон, лишь увидел меня, встал из-за стола с еще одной лживой радостью встречи на лице.

– Фрэнк, дружище, – он пожал руку. – Прошу, присаживайтесь.

Его пальцы дрожали и немного вспотели.

«Волнуется, – определил я. – Это естественно».

– Вот, – я передал магнитофон. – Копии материалов по «Натали».

Он включил запись, и сразу лицо искорежила злость.

«Доходчивый материал – ишь, как перекосило!»

– А мне, пожалуйста, все связанное с моим созданием, материалы по поиску, варианты поимки... без изъятий, все и немедленно.

Крон согласно кивнул, щелкнул тумблером и приказал в микрофон:

– Все материалы по Фрэнку... да... срочно.

Спустя 1 минуту и 43 секунды вошла секретарша с тяжелой папкой. В палке лежали бумаги и несколько кассет звукозаписи.

Как только мы остались вдвоем, то разошлись в разные стороны: за столом слушал мой подарок хозяин кабинета, а

я в уголке спокойно прослушивал и просматривал все, что накопилось обо мне.

Когда Крон прослушал записи вдоль и поперек, он бросил кассету в камин. В жаркий душный вечер пылал камин, и одновременно работали кондиционеры? Впрочем, эта причуда и мне помогла избавиться от папки. Огонь слизывал листочки дотла, морщил и сплавлял в комки кассеты. С сожалением жег свою родословную, ибо Крон все одно не выпустит с обличающими его документами.

– Еще что-либо есть?

– Есть, несомненно, есть. Без гарантий разве к тебе пойдешь? – солгал противнику. – Остальные документы – мой страховой полис. Я ими никогда не воспользуюсь, но при одном условии.

– Каком?

– Ты должен забыть меня, всех моих друзей и знакомых. Я исчезну из твоей жизни, а ты из моей.

– Гарантии?

– Слово работа против твоего и трезвый расчет. Нам обоим ни к чему война.

– Согласен, – процедил сквозь фарфоровые коронки заказчик моего человеческого облика и нутра кибера. – Я тебя отпускаю, иди спокойно, Фрэнк.

Самолет, высота 8000 метров.

После взрыва в грузовом отсеке, система управления крылатой машины стала медленно, но безостановочно умирать. Сначала лайнер дал крен на правый борт. Затем погасло освещение, и соседки визг резанул по ушам. Визг включил панику в салоне. Почти сразу за первым нервным криком, спустя всего 6 секунд, гордость компании «Люфтганза» клюнула носом, и машина ушла в безнадежный штопор.

«Сколько еще осталось да земли? Одна, максимум две минуты... Буду готовиться к посадке: ремни пристегнуть, руки и голову прижму к ногам. Теперь можно и поразмышлять. Диверсия – работа Крона или случайное совпадение? Менее одного процента за случайное совпадение. Рискованный, глупый поступок... Это ему даром не пройдет. Крон многого не учел».

За иллюминатором по дюралевому корпусу металось пламя, кое-где прорывалось в салон сквозь щели. Такого массового психоза, рвущегося сквозь сотни обезумевших глоток, я еще не слышал и сбавил слуховые восприятия.

«До земли еще, – я произвел быстрый, приблизительный расчет. – Секунд 35-40. Время еще есть обмозговать ситуацию...»

Землянка в лесу под Крыжовкой.

– Начнем передачу последних новостей с трагического события. – Равнодушно тараторил диктор с телевидения. – Случайно оказавшемуся поблизости вертолету удалось занести авиакатастрофу.

Страшное предчувствие тяжело давило душу.

«А вдруг он там?» – острой занозой въелась мысль и стала прокручиваться испорченной пластинкой.

Малыш, словно услышал тревогу матери, закричал сильно с надрывом.

– Ну что ты, что ты, – уговаривала его Лиза.

Малыш услышал молоточек родного сердца, ласки матери и быстро успокоился.

На экране падал авиалайнер. Борт лизали тугие языки алого пламени. Хвост почти не виден в дыму, но временами он рассеивался, и телекамера записала дребезжание хвоста, пока он не оторвался с частью фюзеляжа. Из брюха машины посыпалось какое-то рваньё и несколько человек. Обломок хвоста, фюзеляж, россыпь маленьких точек-людей витала в воздухе еще с минуту, пока не приняла земля мешанину страха, мяса и дюрала.

Потом на экране пошел калейдоскоп останков аварии: крыльев, двигателей, рваных листов обшивки и людей... Бесконечная вереница изувеченных, мертвых тел. Голова

негра. Несколько почти близнецов китайцев. Блондины, брюнеты, лысые, дети... Кого здесь только не было, но все одинаково мертвые.

И вот...

– А-а-а, – вырвалось потрясение Лизы, малыш тоже зашелся, плачем.

... Оператор выхватил санитаров с носилками, а на них, во всю ширь изображения, он.

«Весь в крови, не дышит. Фрэнк, милый Фрэнк!!!»

Плач сына и жены был ему достойной панихидой. Он так мечтал, чтобы его приняли за человека, а по роботам так не плачут. Все же Фрэнк заслужил настоящую любовь, сбылась мечта свихнувшейся машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.